

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

ИНСУРГЕНТ

Николай Романов

Инсургент

Серия «Избранник», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=266662

Инсургент: Ленинградское издательство; СПб.; 2010

ISBN 978-5-9942-0480-1

Аннотация

Если ты претендуешь на трон Росской империи, но тебе рано выходить на политическую арену, будь готов прятаться от своих врагов. А если у тебя похищают близкую женщину и пытаются шантажировать возможной ее гибелью, будь готов возглавить отряд десантников, вступить в схватку с пиратским космическим кораблем и взять его на абордаж.

Но если тебя при этом зовут Остромир Приданников и ты, будучи «росомахой», призван изменить судьбу Галактики, то тебе придется совершить кое-что, недоступное обычным людям...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	34
Глава пятая	42
Глава шестая	50
Глава седьмая	54
Глава восьмая	63
Глава девятая	66
Глава десятая	70
Глава одиннадцатая	76
Глава двенадцатая	80
Глава тринадцатая	85
Глава четырнадцатая	96
Глава пятнадцатая	99
Глава шестнадцатая	103
Глава семнадцатая	105
Глава восемнадцатая	114
Глава девятнадцатая	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Николай Романов

Инсургент

*Тем, кто нас любит...
несмотря ни на что...*

*Когда незнающий избранник
Свой путь во мгле пустой найдет,
Дотоле незабвенный странник
В страну забвения уйдет.*
О. Приданников

*Бывают в жизни каждого моменты,
Когда одна дорога – в инсургенты.*
О. Приданников

Пролог

Тим Бедросо, Вершитель Великого Мерканского Ордена, пребывал в довольно скверном душевном состоянии.

И дело было вовсе не в том, что Белинда Свит, третья жена Вершителя, кажется, нашла себе нового ухажера... В конце концов проучить мокрохвостую сучку – много труда не потребуется! Ишь, Сладкая¹ нашлась! Сладкая моя! Сегодня ты сладкая от шоколада и парфюмерии, а завтра – от свежeproлитой крови. Твоей, между прочим, крови...

Нет, скверное душевное состояние Вершителя объяснялось совсем другим.

На границе рукава Персея и межрукавного пространства, в районе звезды, в систему которой входит планета Истмейн, разведка обнаружила увеличение активности новобагдадского флота.

Какого дьявола понадобилось возле Истмейна халифу Усману Одиннадцатому, пока было непонятно – то ли муслимы готовились к реальному пограничному конфликту, то ли просто проверяли, как организована защита сектора. Слава Святому Рону, мерканские разведчики не проспали эту возню, и пару дней назад возле Истмейна появились несколько фрегатов военно-морских сил Ордена, переброшенные из

¹ Свит (*мерк. Sweet*) – сладкая.

других секторов, ограничив своим присутствием неведомые аппетиты муслимов. Но было бы неплохо прибавить к мерканским фрегатам и парочку русских кораблей. Тогда бы Усман сразу сделался поосторожнее, не надеясь на своего Аллаха.

Но что-то император Владислав Второй в последнее время стал себя вести подобно трусливому зайцу. Понятное дело, внутри Росской Империи у него противников не меньше – а пожалуй, и побольше, – чем сторонников. И то, что откинул копыта Владиславов наследник, весьма неплохо, ибо еще больше привяжет Империю к Ордену. Прямо скажем, вовремя отправился к праотцам цесаревич Константин, очень вовремя. Слава Святому Рону, болезнь эта, прогерия, оказалась как нельзя кстати. Ибо чем дольше просидит на императорском троне Владислав, тем больше пользы будет Великому Мерканскому Ордену. Ей-ей, кабы этой прогерии не существовало, ее воистину следовало бы придумать – по крайней мере, хотя бы в отношении цесаревича...

Слева от стола, за которым сидел Бедросо, вспыхнула видеоформа Джастина Грина.

– Вершителъ! К вам с визитом Кен Милтон.

Бедросо очнулся от размышлений:

– Просите, обращенный!

Секретарь кивнул.

Видеоформа исчезла, а Бедросо встал из-за стола, снял с левого рукава кителя пылинку и шагнул в сторону двери.

Конечно, по этикету он вовсе не обязан был встречать Милтона на ногах, но ведь сейчас не торжественное мероприятие во Дворце приемов, а встреча, носящая совершенно деловой характер. Тут они – не руководитель и подчиненный, а два соратника. Тем более что оба являются членами Си-Орг. То есть представителями самой что ни на есть высшей элиты...

Дверь дематериализовалась, и Милтон стремительно шагнул в кабинет.

– Слава Святому Рону, Вершитель!

– Слава, слава, Капитан!

Между своими можно было обойтись и без излишнего пафоса. Старик Хаббард переживает, где бы он сейчас ни находился...

– Проходите, Кен!

Бедросо материализовал стол для деловых бесед и пару низких кресел, и двое адептов уселись друг напротив друга.

– Что вас привело ко мне, Кен, во внеурочное время?

Было, конечно, и самому распоследнему глупцу понятно, что Капитан Офиса Добрых Дел явился к главе государства не чаю попить. Но ведь с чего-то надо начинать беседу. Не говорить же Милтону: «Капитан, не могли бы вы проверить, перед кем в последнее время раздвигает ноги моя третья жена?»

– Интересы государственной безопасности, Вершитель.

А то бы он сказал главе Ордена что-либо иное!..

– Дело в том, Вершителю, что мы получили от нашей агентуры с Нового Санкт-Петербурга чрезвычайно важную информацию.

Бедросо стиснул зубы, чтобы не вздрогнуть. И вновь снял с рукава кителя пылинку, на сей раз несуществующую.

Стоило только подумать о Владиславе, и вот тебе!.. Мысли облекаются в материю! Вернее, в информацию...

– Если о смерти цесаревича Константина, то мне уже доложили... – Тим Бедросо откашлялся: в голос проникла предательская хриплость. – Это, бесспорно, важное известие, но я не вижу в случившемся ничего страшного.

Милтон кивнул: ему как государственному чиновнику были прекрасно понятны все плюсы и минусы безвременной смерти русского наследника. Плюсов, разумеется, было больше...

Однако мрачное лицо Капитана и не подумало проясниться, и Вершитель вдруг понял, что сейчас прозвучит совсем другая, более неприятная новость.

– Дело в том, Вершитель, что у императора Владислава Второго обнаружился еще один наследник.

Бедросо снова сумел не вздрогнуть.

И снял с рукава очередную несуществующую пылинку. Ему показалось, что все сегодняшнее утро он ждал именно этой новости.

Ксену тебя побери, Милтон, да что же ты все кота за хвост тянешь! Давай же быстрее!

– Тут я должен напомнить вам, – продолжал Капитан, – о событиях уже немалой давности. – Он потер ладони друг о друга, будто ему стало холодно. – Более пятнадцати лет назад Его величество русский император закрутил любовь с очередной фавориткой, Еленой, дочкой графа Ивана Шувалова, и от связи этой девица забеременела ребенком мужского пола. Владислав, которому не удалось заставить Елену избавиться от плода, попросил кое-кого из работников своих спецслужб устроить непослушнице несчастный случай. Но тут, к сожалению, в дело вмешались люди, находящиеся в оппозиции к императору, те, кто всячески выступал против ориентации Владислава Второго на Великий Мерканский Орден. В результате императору подсунули обманом труп другой, совершенно посторонней женщины, а графиню Шувалову тайно выдали замуж за одного из простых военных и отправили на Периферию, спрятав от глаз императора и его сторонников. В должное время ребенок родился, и сторонникам Владислава только через пять лет удалось обнаружить, где его прячут.

Бедросо вспомнил эту историю.

Действительно, что-то этакое случилось. Но ведь, помнится, тогда было решено принять определенные меры...

– Разве бастарда не уничтожили? Там же, мне кажется, кто-то из адептов Святого Рона принимал участие.

– Да, наши сторонники в окружении русского императора обратились к нам за помощью. И Офис Добрых Дел участво-

вал в этом предприятии, поскольку капитан капера, осуществившего нападение на планету, где прятали ублюдка, был мерканским агентом.

Вершитель сдержанно кивнул: ему было прекрасно известно, что большинство капитанов пиратских каперов нейтральны не больше, чем руководители государственных разведок.

– К сожалению, – продолжал Милтон, – самого бастарда наши люди захватить не сумели. Мамаша его, графиня Елена Шувалова, оказалась крепче, чем думали. Да и те, кто нам противостоял, очень быстро отреагировали на угрозу, поскольку имели неподалеку боевое подразделение флота. Каперу пришлось убраться с планеты без щенка. Посчитали тогда, что бастард при захвате периферийного мира погиб. – Милтон снова потер ладони. – Однако вот теперь выяснилось, что его спасли «росомахи». Они же и воспитали ублюдка.

– Подождите-ка, Капитан, – прервал Бедросо. – Мамашу-то, мне помнится, захватили?

– Захватили, Вершитель.

– И где она сейчас?

Капитан Офиса Добрых Дел виновато развел руками:

– К сожалению, следы женщины потерялись. Но мы немедленно займемся ее поисками, Вершитель! Разрешите идти?

– Подождите! – Бедросо встал и, заложив руки за спину,

прошелся по кабинету. – Он ведь уже взрослый, щенок этот, верно?

– Да, Вершителю!

– Рядом со всяким взрослым мужчиной, как правило, имеется женщина. – Бедросо вперил в Капитана многозначительный взгляд. – Важная для него женщина. Графиня Елена Шувалова – это хорошо, ее обязательно надо разыскать. Но вполне возможно, у бастарда есть симпатия, и ею тоже необходимо без промедления заняться. Тот, кто контролирует близких ему женщин, в каком-то смысле контролирует и самого бастарда. А контролировать его нам очень и очень нужно. Вам ясно, мой друг?

Руководитель Офиса Добрых Дел кивнул.

Разумеется, ему было ясно, что бастард, которого могут поддержать высокопоставленные оппозиционеры, является реальной угрозой русскому императору. А человек, являющийся угрозой императору, является реальной угрозой и интересам Великого Мерканского Ордена.

– Я понимаю, Вершителю!

Бедросо снова сел за стол:

– А раз понимаете, постарайтесь, чтобы то, что произошло при нападении капера на Медвежий Брод, больше не повторилось.

Милтон распахнул глаза – оказывается, Вершителю помнил даже имя планеты, на которой родился бастард! – но больше ничем своего удивления не выказал.

– Для того чтобы контролировать бастарда, годятся любые меры. Этот молодой человек может принести нашей родине очень большой вред. – Бедросо поднял кверху указательный палец правой руки. – И мне бы очень хотелось, чтобы на сей раз не было никаких проколов.

– Слушаюсь, Вершитель!

Милтон вскочил из кресла.

– И вот еще что... Где сейчас капитан капера, не сумевший тогда захватить бастарда?

– Мы найдем его, Вершитель!

– Да, дорогой мой, уж вы его найдите. Думаю, он непременно пожелает исправить свою ошибку. В решении возникшей проблемы нам понадобятся очень рискованные люди. – Вершитель снова встал и прошелся по кабинету. – А если капитану не удастся исправить ошибку, он должен быть наказан. Всенепременно и примерно наказан. И капитаны других каперов должны будут знать, за что наказан их коллега.

Часть первая

ИГРА В ПРЯТКИ

Глава первая

В очередное утро «отдыха» на курортной планете Осетр проснулся в безграничной тоске.

Мир сегодня, как вчера, позавчера и неделю назад, оказался привычно светлым и голубым, но Осетру он был ни капельки не мил.

Потому что рядом по-прежнему не было Яны.

Жизнь будто разломилась.

До разлома были встреча и совместные прогулки, полет в Каламберск и «Ламбахская симфония» Моцарта. И все-все-все остальное... После разлома осталась только глухая, безысходная, оглушающая тоска.

Тоска была тем беспросветнее, чем больше Осетр понимал, что теперь он принадлежит себе не до конца. Он теперь не просто «росомаха», приученный рассчитывать, в первую очередь, на себя и только на себя. Нет, теперь за ним стояли люди – в малом количестве знакомые и в огромном числе совершенно незнакомые, – на кого вполне можно было

рассчитывать в тяжелой ситуации. Но и они отныне имели безграничное право рассчитывать на него, даже не зная об этом своем праве, и именно по сей причине он больше себе не принадлежал.

Но люди без него пока могли, а он без Яны попросту не мог. Совершенно! Без Яны было – как без второго дыхания во время двадцатикилометрового кросса с полной выкладкой.

И потому после завтрака он немедленно отправился к Деду.

Нагло пролетел мимо опешившего капитана-секретаря, беспардонно ввалился в кабинет, нахально заявил с порога:

– Всеволод Андреич, мне очень нужна Татьяна Чернятинская!

Дед, как всегда, работал. В левом углу стола – видеоформа сетевого агента Артура Артузова, правее – видеопласт.

– Почему мне нельзя с нею связаться?

Осетр уже понимал, что ведет себя не по-«росомашьи» глупо, но остановиться было выше его сил.

Дед поднял на него глаза, пару секунд пристально изучал лицо лейтенанта Приданникова. Потом отправил в небытие Артузова с видеопластом и сказал:

– Присядь-ка, мальчик мой! Поговорим немного.

Осетр угнездился в уголке знакомого дивана, нахохлился. Будто птица на веточке осенью...

Дед вышел из-за стола и устроился рядом. Сел вполобо-

рота, положил на плечо Осетра правую руку.

– Вот что, Остромир... Ты пойми меня, пожалуйста, правильно... – Он говорил медленно, с паузами, совсем не так гладко, как при отдаче приказов. – У нас с тобой сейчас начался очень сложный период. Ты не должен светиться. У тебя слишком много врагов и слишком мало друзей. Ты понимаешь?

Дед был близкий товарищ, старший брат, отец родной...

– Понимаю, – сказал Осетр деревянным голосом, сдерживаясь, чтобы не сбросить с плеча руку полковника. – Но я хочу ее увидеть. Хоть на минуту. Всего один-единственный раз.

Дед вздохнул. Встал с дивана. Прошелся по кабинету. И снова заговорил.

Однако теперь его речь полилась непрерывно и журчаще, как безудержный весенний ручеек. Это была речь не товарища, не брата, не отца родного, это была речь пропагандиста.

Ты ведь себе не принадлежишь, лейтенант, давно пора бы уяснить это, гвардеец, на тебя надеются, и если вдруг с тобой что-то случится, то не просто люди потеряют надежду, но над Империей нависнет реальная угроза утраты государственности, неужели ты хочешь, чтобы росичи попали под пяту мерканских сайентологов, не думал, что ты настолько эгоистичен, а ведь тебя «росомахи» воспитали, а быть воспитанным «росомахами» сам знаешь, какое это везение...

Ну и так далее, и тому подобное.

И как ни странно, эта речь полковника Засекина-Сонцева подействовала на лейтенанта Приданникова гораздо сильнее, чем «присядь-ка, мальчик мой!» отца родного. Наверное, такой язык «росомахам» более понятен – слишком много наставлений выслушивали они за время обучения, и наставления эти излагались далеко не отеческим тоном.

Как бы то ни было, а после Дедовой речи Осетр справился с собой. Устыдился – вот ведь приперся грузить командира подобными мелочами! И сказал:

– Простите, Всеволод Андреевич! Я не должен был приходить к вам с такой ерундой!

Дед снова сел и положил ему на плечо руку:

– Да нет, как раз правильно, что ты ко мне пришел, сынок. Потому что это вовсе не ерунда, это настолько не ерунда, что иногда даже страшно становится. Но мы должны уметь с нею справляться. Иначе какие мы, к дьяволу, «росомахи»! Иначе какие мы с тобой гвардейцы! – Дед вернулся за стол. – А теперь свободны, лейтенант! У меня много работы!

– Слушаюсь, господин полковник! – Осетр отдал честь и вылетел из кабинета.

Покинув Деда, он спустился в свой номер, раздумывая по дороге: какой же он «росомаха»?

И решил, что правильный. И даже больше чем «росомаха»!

Вот вы покажите мне «росомаху», который смог бы раскрыть Полину, агента с едва ли не двадцатилетним стажем

работы! Не сможете! И правильно не сможете, потому что у других гвардейцев нет возможностей, какие имеются у лейтенанта Приданникова! И пусть Дед думает, что мною можно беспрепятственно командовать. Только произнеси фразу «Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики»... Нет, ребята, ржавый болт вам в котловину! Я буду делать вид, что подчиняюсь вашим приказам, но поступать стану в своих интересах! Вот так-то! И никто из вас об этом даже не догадается! Я буду очень мудрый молодой человек, всей натурой подходящий к личине государственного деятеля. Я буду совсем не такой, каким я был на Крестах. Ибо мудрый молодой человек первым делом заподозрил бы неладное со всей этой поездкой на Дивноморье. Часто ли выпускники школы «росомах» получают в качестве поощрения отпуск на курортной планете? Впрочем, кому из других выпускников это известно? Мы верим своим учителям, и если капитан Дьяконов утверждает, что тебя ждет отпуск на Дивноморье, значит тебя ждет отпуск на Дивноморье, и не стоит забивать голову и душу сомнениями... Есть приказ, и надо его выполнять!

Глава вторая

А через час полковник сам вызвал к себе лейтенанта.

И Осетр почувствовал, что его утренний разговор, кажется, сыграл свою роль. Похоже, встреча с Яной все же состоится. А потом он готов на все, что угодно...

– Значит так, Остромир, – сказал Дед, когда Осетр вошел в кабинет. – Мы тут посоветовались немного и решили, что тебе нужно на время исчезнуть из поля зрения потенциальных врагов. Это будет самый лучший вектор развития событий. Ты согласен со мной?

Осетр опешил, потому что только сейчас, в этот самый момент, понял сердцем, насколько опасно его положение. Умом-то он с самого начала понимал это, но, видимо, ум в подобных случаях слегка... как бы это сказать?... заторможен, что ли? Нет, скорее уж – неадекватно воспринимает реальность...

Однако мудрый государственный деятель должен понимать происходящее как умом, так и сердцем. И потому мудрый государственный деятель должен быть с предложением полковника согласен.

Дед ждал его реакции.

– Что скажешь, мальчик мой?

Он опять был отец родной, но теперь Осетру уже стало ясно, что Яны ему в ближайшее время не видать.

– Полагаю, вы правы, Всеволод Андреевич! – сказал он, едва не скрипнув зубами.

– Это хорошо, что ты так полагаешь. Это означает, что тебе не чужда мудрость... И получи-ка тогда срочное задание. Придумать подходящую легенду для себя и разработать план действий по собственной эвакуации с Дивноморья. Чтобы наши противники не могли тебя выследить... Ясно?

– Так точно! Есть придумать подходящую легенду для себя и разработать план действий по собственной эвакуации с Дивноморья... С кем я должен согласовывать детали операции?

Дед легонько усмехнулся:

– А сам-то как думаешь?

– Думаю, только с вами.

– И правильно думаешь. – Полковник дружески похлопал лейтенанта по предплечью. – Жду тебя после обеда с конкретными предложениями. А теперь ступай!

Последнее выражение, ворчливое и совсем не военное, говорило о том, насколько сейчас озабочен Дед.

И лучше всего было думать, что озабочен полковник Засекин-Сонцев исключительно безопасностью лейтенанта Приданникова. Ибо другие озабоченности могли привести к дополнительным неприятностям. Хотя, казалось бы, что для молодого человека может быть неприятнее недоступности любимой девушки?... Однако теперь, после двух разговоров с Дедом, Осетр был уже не только молодой человек...

Разработка легенды не потребовала от него много времени.

Ясно, что надо сматываться туда, где разного рода соглашения будут более заметны, а он будет совершенно неприметен. Такой, как все вокруг... Лучше всего удрать на какой-нибудь периферийный мирок, в дальний гарнизон планетной обороны, отсидеться там под видом какого-нибудь заряжающего третьего класса, типа симпатичного и уверенного в себе, но недалекого и никому неинтересного среди таких же недалеких и неинтересных сотоварищей.

Потом ему пришло в голову, что совсем неглупо было бы спрятаться на Крестах, но, покуда некое время, он отмел эту мысль.

На Крестах он уже был, там всегда имеется шанс нарваться на кого-нибудь из знакомых – на того же Макарыча или Маруську, чем черт не шутит! К тому же государственный контроль над проживающими там людьми направлен именно в ту сторону, от которой сейчас надо бежать, как черт от ладана. Конечно, в планетном гарнизоне периферийного мира тоже присутствует государственный контроль, но там, по крайней мере, он не направлен против государственных преступников, а потому для оппозиционера менее опасен.

И тут он по-настоящему, до последних печенок, понял, что Яна в течение какого-то времени будет для него абсолютно недоступна. И время это может оказаться весьма немалым!

Это понимание привело Осетра в бешенство.

Оказывается, «росомахи» вовсе не всесильны. Оказывается, бывают ситуации в жизни, когда она, жизнь, оказывается сильнее тебя...

Не то чтобы он не знал этого раньше – хорош был бы «росомаха», не усвоивший такой простой истины! – просто знание это жило в его памяти само по себе, не имея никакого отношения ни к нему, Осетру, ни к близким людям... Мда-а-а... Без Яны будет тяжело! Очень тяжело!! Да просто невыносимо!!! Это даже нет слов, как будет плохо без Яны! Но прав Дед – какие мы, к дьяволу, гвардейцы, если не справимся со своими личными проблемами, если не возьмем обычную животную страсть в ежовые рукавицы солдатского долга?...

Конечно, решить конкретно, в каком именно мире предстоит скрываться, он не мог – сведения о воинских гарнизонах периферийных планет закрыты, и до них через гражданский терминал Глобального Имперского Информатория не доберешься. Но это уже частности, которыми можно заняться на этапе конкретных действий, а действия наступят только после принципиального одобрения Дедом предлагаемой идеи...

Пообедав в ресторане «Ласточкина гнезда», Осетр снова отправился на двенадцатый этаж, в номер тысяча двести двадцать девять.

Дед как будто и не выбирался из-за своего стола. Все было

на месте: видеопласт, сетевой Артузов, пристальные глаза, обращенные на подчиненного...

Памятник, а не человек!

Памятник воинскому долгу!

– Ну, сынок... Присаживайся!.. Что придумал? Выкладывай!

Осетр присел на уже привычное место и рассказал о своем предложении.

Дед слушал внимательно. Лицо его было совершенно бесстрастным, и было совершенно непонятно, как он относится к плану, придуманному лейтенантом Приданниковым. Но как только Осетр закончил, он сказал:

– Ерунда! – и подкрепил приговор ударом ладони по крышке стола. Словно пригвоздил к позорному столбу...

Осетр едва не поперхнулся.

– Ерунда! – повторил Дед. – Все это было бы правильно, кабы речь шла не о тебе. Такого как ты нужно прятать как раз по-иному, не в захудалом периферийном мирке, а на планете, куда прилетают тысячи людей, так чтобы всячески затруднить нашим противникам поиск, если они начнут разыскивать исчезнувшего фигуранта. Одно дело – отыскать парня, заявившегося на планету в компании из десяти человек, и совсем другое, если компания насчитывает десять тысяч прилетевших. Процесс такого поиска много сложнее, и он непременно станет нам известен. А кто предупрежден, тот вооружен – мы успеем перевезти тебя в другое место. И

пусть начинают розыски заново!.. Ты согласен со мной, сынок?

Осетр задумался.

Дед вполне мог устроить таким методом проверку подчиненному.

Умеет «росомаха» отстаивать свое мнение или нет? Настойчив ли?... И наоборот – способен ли признавать собственные ошибки? Гибок ли умом?...

Впрочем, вряд ли в такой ситуации Всеволод Андреич станет устраивать подобный экзамен, у него сейчас совсем другие заботы на душе, поважнее и посерьезнее. «Государственные проблемы» называются... Тут не до проверок гибкости и настойчивости!

– По принципу «спрятать вещь на самом виду»? Там, где искать никому и на ум не придет? – Осетр покачал головой. – Но ведь в подобной обстановке и тому, кто возьмется искать, проще будет спрятаться. Разве не так?

– Верно, – сказал Дед. – Но это в случае, если спрятавшие не знают, что кто-то намерен искать спрятанное. А ведь мы знаем. А потому любой... э-э-э... искатель привлечет к себе наше внимание. К тому же у нас и у искателей несколько разные возможности... – Он снова шлепнул ладонью по столу. – Нет, думаю прятать тебя надо именно таким образом. Не то чтобы на самом виду, но в комнате, где до черта народу. И вот что я предлагаю... – Дед выбрался из-за стола и прошелся из угла в угол, снова задумавшись. – Дело в том,

что тебе сейчас, кроме этой игры в прятки, необходимо восполнить пробелы в образовании. Сам понимаешь, миссия, к которой мы тебя готовим, потребует не только и не столько навыков «росомахи», но знания многих других областей человеческой деятельности. О которых мы с тобой сейчас даже не задумываемся. На Новой Москве есть очень подходящее со всех сторон местечко, школа имперского разведывательного управления.

Дед, разумеется, опять был прав.

Мозгогрузы, конечно, обеспечивают знаниями и навыками быстро, но такие знания, если их не используют постоянно, столь же быстро и забываются. А потому, если человек хочет обрести капитальное образование, ему и учиться приходится капитально. Как к примеру, в школе «росомах». Или в разведшколе, где серьезно готовят глубоко законспирированных разведчиков, предназначенных для заброски за кордон. Если ты отправляешься в Новобагдадский халифат не на день-другой, в турпоездку, а лет на десять-пятнадцать, для тайной работы, лучше, когда тебя обучают преподаватели. В живом обучении – глубина, обширность и жизнестойкость познаний. Это известно даже новоиспеченному «росомахе»!

– Я полагаю, нам удастся спрятать тебя, сынок, в этой разведшколе. Люди князя Белозерова поддерживают нашу озабоченность ситуацией в стране. Впрочем, в самой школе никто знать не будет, что ты за птица. Для тебя разработана

специальная легенда. Согласно ее, ты – будущий резидент в одном из закордонных государств. Проходишь подготовку перед скорым внедрением. Для полной убедительности ты будешь проходить подготовку не один. Согласно легенде, запланировано внедрение за кордон целой семейной пары, и потому с тобой будет жить и учиться жена...

– Кто-кто, простите?

Последнее известие было настолько неожиданным, что Осетр не удержался и нарушил уставный этикет общения начальника с подчиненным.

– Ты что-то сказал, лейтенант? – тут же обернулся к нему Дед.

Глаза его были абсолютно серьезны.

– Никак нет, господин полковник!

– Ты не ослышался, сынок, – продолжал полковник. – Рядом с тобой будет напарник. Вернее, напарница, девушка. По легенде она – твоя супруга. Разумеется, когда задание закончится, закончится и ваша семейная жизнь.

– Семейная жизнь... – Осетр, не сдержавшись, поморщился.

При мысли о какой-то иной девушке, помимо Яны, у него заняло на сердце.

– А по-другому никак нельзя?

Он едва не брякнул: «Нельзя ли напарницей сделать Татьяну Чернятинскую?» И представил себе, насколько глупым оказался бы этот вопрос.

Дед, похоже, понял, что он хотел спросить, потому что сказал:

– Нельзя, сынок. Именно, что никак нельзя! Мы тут с тобой не в игрушки играем. Мы с тобой начинаем слишком серьезное дело, чтобы поддаваться сугубо человеческим страстям. Честно говоря, мне показалось, ты сечешь орбиту.

Осетр снова поморщился:

– Да секу я орбиту, секу... Понял я все!

Слышать жаргонное выражение из уст Деда было удивительно.

– И вот еще что, мальчик мой. – Взгляд полковника Засекина-Сонцева сделался жестким. Однако тон оставался отеческим. – Я понимаю, что ты тут со мной расслабился. Впредь тебе придется получше контролировать свои эмоции. Ты бы посмотрел сейчас на себя со стороны. У тебя на лице написано, насколько тебе не нравится мое предложение. – Отеческий тон тоже сделался жестким. – Когда ты выйдешь из моего номера, такая бесконтрольность может стать причиной гибели, причем не только твоей, но и многих других людей. Ясно?

Он снова был прав.

И потому Осетр коротко ответил:

– Так точно, господин полковник.

– А теперь ступай! Конкретные инструкции получишь позже.

И Осетр понял, что его пребывание на курортной планете,

кажется, все-таки закончилось. И что Яну он действительно увидит теперь очень и очень не скоро.

Глава третья

Осетр покидал Дивноморье на борту транссистемника «Единорог».

Судно оказалось принадлежащим к тому же классу, что и «Дорадо» с «Величием Галактики», на которых он летал, и все тут было Осетру знакомо. У него даже возникло ощущение дежавю.

Казалось, пройди по коридору, и навстречу тебе выйдут из своей каюты девушка Яна и тетушка Аня. Пригласят тебя за стол в кают-компании и будут ссориться, выбирая блюда. А потом отправятся смотреть фильм и знакомиться с тем, как отваливает от транссистемника шаттл, собирающийся приземлиться на Крестах...

Ничего этого впереди не было. От курортного мира «Единорог» следовал в систему звезды Бархатная, к планете Малороссия, и уже оттуда, на другом транссистемнике, Осетр должен был отправиться непосредственно на Новую Москву.

Так решило руководство. Так требовала легенда.

Более того, он сел на борт «Единорога» вовсе не как Остромир Воимирович Приданников. Пассажир бронированной одноместной каюты числился во всех базах данных под именем Остромира Савельича Бутурлина.

Богатенький папаша отправил сына в честь окончания школы в круиз по нескольким русским мирам. А господин

Приданников, едва родившийся «росомаха», так и остался на Дивноморье. До скончания веков!

А нечего было связываться с гладиаторами. Захотел паренек монету по-легкому сшибить, а вместо этого ему сшибли голову с плеч. И медицина помочь не сумела – так карта легла, что реанимационная техника вдруг вышла из строя. Хотя и крайне редко, но так бывает. Не повезло щенку...

Да и поделом! Иначе бы все равно судить пришлось – офицерским судом чести! Не к лицу «росомахе» гладиаторствовать. Вот если бы «суворовскую купель» не прошел, тогда еще другое дело, тогда бы подумали, хотя наказание бы все равно схлопотал...

Забронированная каюта была не люкс, иначе бы возник вопрос, почему такой богатеи летит по Галактике без прислуги. Тут в самый раз подходил бизнес-класс.

Почему бы господину Бутурлину и не поэкономить? Деловой человек – не высокородный столичный вельможа, беспокоящийся только о том, что скажут о нем и о его кошельке окружающие. А сыну делового человека экономить – и вовсе сам бог велел!..

Путь от Дивноморья до Малороссии оказался совершенно спокойным, даже безмятежным. Никто господином Бутурлиным-младшим не интересовался. А если и интересовался, то выполнял свою работу настолько незаметно, что парень этого попросту не засек.

Впрочем, главное, что непрошеного интереса к нему не

заметили те люди, что сопровождали Осетра на борту «Единорога». Имен их парень не знал, да это было и не нужно. В случае опасности им вменялось подать опекаемому тревожный сигнал, чтобы был настороже, и приложить все силы к устранению угрозы.

Так распорядился Дед, и это было все, что знал Осетр.

За недолгие часы перед прыжком и после прыжка, когда «Единорог» подтягивался к Малороссии, находясь в евклидовом пространстве, никаких тревожных сигналов не последовало. И можно было считать начало маршрута пройденным без происшествий.

А сам релаксационный сон окончательно отменили.

Голубая пилюля на Осетра теперь не действовала. Вместо релаксационного сна, как и на «Величии Галактики», когда он летел с Крестов на Дивноморье, пришло некое полузабытье – ты вроде спишь, а вроде и не спишь, вроде расслаблен, а вроде и напряжен, – но по сравнению с «Величием Галактики» это было не то расслабление-напряжение и не тот сон-несон. Он почти отрубился, как на «Дорадо» – сознание жило самую малость, на некую долю процента, и именно в сей момент в это сознание заявила мысль, что он, кажется, опять меняется.

Видимо, организм «росомахи» начинает привыкать к своему новому состоянию. И слава богу!..

На Малороссии великовозрастный балбес Бутурлин должен был задержаться на неделю, дожидаясь, когда в систему

Бархатной прибудет следующий транссистемник. Эта неделя требовалась опекунам, приставленным к Осетру полковником Засекиным-Сонцевым, чтобы обнаружить потенциальных соглядатаев, если таковые здесь все-таки объявятся.

Вояж по планете начался с заселения в четырехзвездочную гостиницу в Новокиеве, столичном городе Малороссии.

Гостиница была как гостиница. Обычный набор услуг для делового человека или туриста. Впрочем, проституток в вестибюле не замечалось – похоже, администрация блюла общественную мораль.

Сказать правду, Малороссия оказалась довольно юной терраформированной планеткой, и каких-либо достопримечательностей, созданных руками русских умельцев, здесь практически не было.

Выполняя полученные еще на Дивноморье инструкции, Осетр целый день проболтался по улицам Новокиева, стараясь выбирать такие места, где было поменьше народу, дабы опекунам было проще вычислить севших ему на хвост шпионов.

Сам он никого не заметил – ни шпионов, ни опекунов.

Впрочем, вполне возможно, что опекуны за ним и не ходили вовсе – у организации, членом которой он теперь являлся, имелась возможность следить за его прогулкой иными способами. В том числе и с орбиты.

Спутники связи вокруг Малороссии несомненно летают, а оборудование, установленное на них, позволяет не только

осуществлять связь, но и вести наблюдение за поверхностью планеты. Система, известная испокон веков...

На следующий день он покинул столицу и перебрался на другой конец материка, в город Жмеринку, откуда пассажирскими глайдерами должен был постепенно двигаться назад, к Новокиеву. Поболтался по улицам Жмеринки, тоже не найдя ничего особенно интересного.

Собор Божьей матери, местный филиал Кордюмского университета (сам университет располагался в Новокиеве, но Осетр до него вчера так и не добрался), стадион футбольной команды «Динамо» (судя по рекламной триконке – стадевятнадцатикратного чемпиона Малороссии), краеведческий музей, в котором демонстрировали поделки местных мастеров прикладного искусства...

Остальные дни оказались похожи друг на друга.

Бутурлин перебирался из городка в городок, находя похожие друг на друга пейзажи и похожих друг на друга людей.

Если бы кто-то заинтересовался таким туристом, то непременно бы спросил: за каким дьяволом его принесло на эту скучную планету. Однако никому сей турист, судя по всему, был неинтересен.

А на шестой день Остромир и вовсе получил почтовое послание от родного папочки. Бутурлин-старший не пожалел денег на галактическую связь. Хивэграмма гласила, что дома все в порядке, мама, слава богу, выздоровела...

Это означало, что Дедовы опекуны шпионов не обнару-

жили. Да и «росомашье» чувство тревоги молчало с самого Дивноморья.

Если за Остромиром Приданниковым и следили противники, то господин Бутурлин-младший у них ни малейшего интереса не вызвал.

Похоже, операция по эвакуации Осетра с Дивноморья была проведена без сучка и без задоринки.

Впрочем, что касается «росомашьего» чувства, то оно ни разу не проснулось с момента присвоения ему звания лейтенанта. Если и существовали люди, желавшие его убить, поблизости они во все последние дни не появлялись.

И это не могло не радовать.

Однако ночью ему приснился знакомый сон.

Он снова оказался на странной планете, на которой не было ничего, кроме гор, оранжевого песка и багрового неба, похожего на залитую кровью простыню. И чувств никаких у Осетра не имелось – лишь жуткая тревога опять переполняла душу смертным страхом.

И снова багрец в небе заволновался, забурлил, закрутился десятками водоворотов. Образовавшиеся воронки понеслись вниз, потянулись к Осетру, окутали его багровой мглой, в которой не было ничего, кроме все той же тревоги.

А когда багрец испарился, Осетр не увидел вокруг ничего. Ни неба, ни земли...

И эта пустота превратила тревогу в безграничный ужас.

Глава четвертая

С этим ужасом в душе он и проснулся.

Наверное, если бы пришлось провести предстоящий день на планете, с ужасом он бы и жил. Но, к счастью, настала пора занять бронированное место в двухместной каюте второго класса на борту транссистемника «Лебедь».

Из отеля в городке Борисполь вылетел и добрался до космопорта в Новокиеве великовозрастный балбес Остромир Савельевич Бутурлин, а зарегистрировался и поднялся в пассажирский отсек орбитального шаттла уже Остромир Владимирович Криворучко, родом с Малороссии, круглый сирота, родители которого погибли в результате несчастного случая семнадцать лет назад, а уцелевший ребенок был по решению житомирского городского суда помещен в один из отдаленных приютов Южного континента. Все соответствующие базы данных в местном филиале Глобального Имперского Информатория уже содержали в своих утробах соответствующим образом препарированные файлы. И когда Осетр накануне сунулся проверить информацию, он обнаружил в недрах ГИИ как своих погибших родителей, так и себя самого.

Парень как парень, учился средне, серьезных нарушений дисциплины в приюте не допускал.

Короче, обычный сирота, каких на планетах Империи пруд пруди. Данных генетического кода, разумеется, нет –

родственников не было, а самому парню они совершенно не нужны. Так зачем тратить государственные средства?...

Осетр отошел от терминала ГИИ с глубоким удовлетворением.

Да, организация, в ряды которой его включили на Дивноморье, действовала аккуратно и безошибочно. Любой бы гражданин Империи без проблем нашел информацию об Остромире Криворучко и мог ознакомиться со всем, что не представляло собой тайну личности и включало в себя биографию вышеозначенного господина Криворучко до прошлого месяца. Потому что в прошлом месяце появлялась отметка «Информация закрыта по личному желанию субъекта. Наберите код доступа». И гуляй, любознательный гражданин за кодом доступа к субъекту!

Закон об охране тайны личности! Конституция Росской Империи в действии! Никуда не денешься...

«Лебедь» тоже принадлежал к уже знакомой серии транс-системников, и Осетр вошел в его отсеки, будто в родной дом. Все опять было знакомым.

Можно подумать, он и не побывал на планете Малорос-сия...

Стюард услужливо подхватил его чемоданчик и проводил нового пассажира до нужной каюты.

Перепонка люка заколебалась и приглашающе исчезла.

– Заходите, сударь, здесь вам будет удобно!

– Спасибо! – сказал Осетр стюарду и шагнул внутрь каю-

ты.

Попутчик находился тут.

Вернее, попутчица, потому что это была девушка.

– Яна! – воскликнул Осетр. И сделал к ней три шага.

Девушка повернулась.

Нет, конечно, это была не Яна. Да, похожа – выющиеся каштановые волосы, густые брови, круглый подбородок, с ямочкой, изящный носик, узкая талия, высокая грудь... Но глаза изумрудные, и вообще – лицом далеко не Яна.

И одевается совсем иначе. Никаких вечерних платьев свободного покроя. Скромная светло-коричневая блузка, темно-коричневые брюки, туфельки на низком каблуке.

До Яниного стиля – как до звезд!

На лице попутчицы нарисовалось удивление, и Осетр спохватился:

– Простите, пожалуйста, сударыня... Мы, случайно, не встречались с вами на рождественском балу у Чухломских? Это был пароль.

– Мы встречались, – сказала девица и легким движением поправила волосы. – Только вы ошиблись. Тот рождественский бал происходил вовсе не у Чухломских, а у Дорогобужских.

Это был отзыв.

Все происходило четко по разработанному плану.

– Остромир Владимирович Криворучко, ваш... то есть твой супруг.

Девушка опустила руки и ответила скромной улыбкой:

– Екатерина Матвеевна Криворучко, ваша... то есть твоя супруга. Располагайтесь... то есть располагайся! – Она кивнула на свободный релаксатор.

Осетр открыл шкафчик в стене и угнездил там свой чемоданчик. Заглянул в санузел.

Да, все тут было знакомо.

Екатерина с интересом следила за его передвижениями.

– Что-то ищешь?

– Ага... – Осетр улыбнулся. – Отличия от других транс-системников. Но их как будто в инкубаторе изготовили. Все одинаковое. Порой даже кажется, что и люди в экипажах одни и те же.

Это он так пошутил.

Однако она не улыбнулась:

– Инкубатор? Что это такое?

– Это такие устройства, в которых выращивают птицу. Для тех, кто предпочитает натуральную пищу и готов за нее раскошелиться.

Тут он, правда, слегка приврал – птиц выращивают не только для богачей. Школа полковника Мясоедова тоже имела свой птичник.

На синтезированном белке хорошего «росомаху» не вскормишь!

Впрочем, об этом Осетр рассказывать не собирался.

– А я тебя совсем другим представляла.

Ну, разумеется, вряд ли ей стали показывать изображение будущего супруга.

А вдруг с третьим отделением министерства имперской безопасности придется встретиться раньше, чем с липовым мужем...

– И каким же, интересно, ты меня представляла? – Осетр с трудом сдержал ухмылку. – Старым пердуном с седой бородищей и огромной плешью?

– Нет, молодым, конечно. – Деввица развела руками. – Но... если честно... не настолько молодым.

«Знала бы ты, сколько мне на самом деле!» – подумал Осетр.

По легенде разведчик Криворучко был на два года старше «росомахи» Приданникова.

– Мал золотник, да дорог! – сказал он вслух.

– Ого! – Екатерина присвистнула. – А от скромности мы, похоже, не умрем.

– Конечно, не умрем. Ни от скромности, ни от тугодумия.

– Есть еще одна поговорка... Мал клоп, да вонюч!

– Это не про меня!

Он с удивлением обнаружил, что распускает перед Екатериной хвост. Совсем не так, как вел себя когда-то, на борту «Дорадо», с Яной...

Впрочем, именно подобным образом и должен поступать молодой муж. Ведь у них сейчас практически медовый месяц, прерванный срочной поездкой молодой супруги к уми-

рающей тете.

Банальная легенда, но именно банальности и не привлекают внимания. Это только в шпионских фильмах молодая жена, вырванная из супружеской постели, выполняет срочное задание своего начальства и порой сталкивается нос к носу с мужем, который выполняет не менее срочное задание своего начальства. В реальной жизни, как известно, молодоженов в такое время стараются не беспокоить.

Если, разумеется, они, молодожены, – не будущие разведчики...

– Вот и познакомились! – Улыбка Екатерины сделалась мягкой: похоже, новоиспеченный «муж» ей все-таки понравился.

И это было удачно.

Людям, которые проявляют симпатию друг к другу, работать легче. Тем более когда работа принуждает к совместно-му проживанию. Тут хочется, чтобы и волки были сыты, и овцы целы...

– А ты ничего! – сказал Осетр.

И снова удивился самому себе.

Как легко он чувствует себя рядом с этой девушкой!.. А ведь любит он совсем другую!

Екатерина поправила блузку:

– Ты тоже ничего... Как мне тебя звать, золотник?

Осетр пожал плечами:

– Да, в общем, как пожелаешь... Я человек, прямо скажем,

не гордый, на любое имя откликнусь.

– А как тебя звала мама?

У Осетра мурашки по спине побежали.

Он сто лет не вспоминал, как его звала мама.

В школе «росомах» имена из глубокого детства никого не интересовали. Там в ходу были клички или, как выражались на Крестах, погоняла. Даже Беляй Капустин, друг закадычный, звал Остромира Приданникова Осетром или Острым. А неприятели – без них жизни не бывает – звали и вовсе Тупомиром или Тупилом...

– Мама звала меня Миркин. – Он с трудом сдержал дрожь, попытавшуюся проникнуть в голос.

– Ну тогда и я стану звать тебя Миркин. Не зайчиком же и не котиком! К нашей профессии такие ласковые прозвища не слишком прикладываются.

«А что? – подумал Осетр. – Пусть зовет Миркином. Ей можно. Жена есть жена. Говорят, она ближе матери».

– Хорошо, зови. Мне нравится... До прыжка чем займемся?

Конечно, космические окрестности Малороссии не так оживлены, как у Нового Санкт-Петербурга, но и здесь приходится четыре часа тилипаться в евклидовом пространстве, пока доберешься до границы, за которой прыжок не сорвет с орбиты небесные тела местной планетной системы.

– Через час позовут на прием пищи, – сказала Екатерина. – А пока можно рассказать друг другу наши легенды.

Осетр отметил про себя выражение «прием пищи» – девушка явно была не из гражданских. И если легенда у нее гражданская, то это несомненный прокол.

Однако говорить ей сейчас об этом он не станет.

А рассказывать друг другу легенды – весьма умно. Он получил легенду через мозгогруз, и ничто так хорошо не закрепляет знания, закачанные из мозгогруза, как пересказ своими словами.

«Молодожены» вызвали из пола кресла и занялись сим умным делом.

Глава пятая

Проснулся Осетр от чувства голода.

Голод был зверский – как и всегда, после прыжка. На его пронзительности не сказывался предпрыжковый обед: сколько бы ты ни съел, непременно придешь в себя с ощущением, будто в животе кишка гоняется за кишкой.

Екатерина еще не проснулась, посапывала в своем релаксаторе.

Осетр соскочил на пол, мягко, по-«росомашьи», подкрался к ней.

Лицо девушки было совершенно безмятежным.

Замужняя женщина, чего ей бояться, находясь рядом с «дражайшим супругом»?... Быстро она вошла в роль подружки жизни!.. А он, Осетр? Что он ощущает по отношению к «жене»?

Он прислушался к собственной душе.

Да уж всяко не любовь! По крайней мере, не ту любовь, от которой разрывалось в последнее время его сердце. Оно и сейчас, конечно, разрывается, но уже не так сильно – для «росомахи» на первом месте всегда его долг! (и хорошо, что вовремя об этом вспомнилось) – скорее не разрывается, а тупо ноет, истекая болью.

Но еще сильнее ноет пустое брюхо.

И только тут он сообразил, что на сей раз сумел забыться

глубоким прыжковым сном.

Не было никакого полусна-полуяви.

Да, похоже, организм действительно начинает приспосабливаться к своему новому состоянию.

Удовлетворенный этим открытием, Осетр отправился в душ.

Все-таки Дед – умница. Думается, он не просто спрятал лейтенанта Приданникова от вражеских глаз, но и занял лейтенанта делом. А дело – неплохое лекарство от сердечных мучений.

Так, по крайней мере, утверждается в фильмах. И почему им можно не верить? Хотя бы в области любовных отношений...

Когда он вернулся в каюту, Екатерина уже проснулась. Сидела на релаксаторе, щурясь и потирая правой рукой левую.

Наверное, затекла во время сна...

– Доброе утро, Миркин! – сказала девица, улыбаясь.

– Доброе! – отозвался Осетр.

На Екатерине была салатная футболка и коричневые бриджи.

Или как они называются, эти обтягивающие тело штаны?...

Глаза девушки в этой гамме становились непонятно какого цвета, но одеяние ей шло.

Экая фигуристая!.. Не хуже Яны!

Осетр спохватился.

Нет, хуже, конечно!

Как их вообще можно сравнивать! От той он без ума, а эта его не волнует!.. Впрочем, волнует, разумеется! Женщина сама по себе... как живое существо... не может не волновать мужчину, так не бывает. Но волнует она не сердце, а плоть! С плотью же «росомахи» бороться умеют! Во всяком случае, он, Осетр, умеет. Достаточно вспомнить Маруську с планеты Кресты.

– Слушай, жена, – сказал он. – А как же я тебя буду звать? Не киской же и не рыбкой! Тебя-то как мама звала?

Конечно, на самом деле она вполне могла быть Марфой или Анастасией...

– Мама звала меня Катериной. – Голос «жены» даже не дрогнул.

Наверное, вне легенды, по реальной судьбе, родители ее живы-здоровы... Ну и слава богу! Девицы, выросшие в приюте, – должно быть, те еще стервы!

– Тогда я тоже буду звать тебя Катериной. Хорошо?

– Конечно. – Катерина слезла с релаксатора и потянулась.

Нет, все-таки фигурка у нее весьма неплоха. Глаз сам цепляется.

– Это всяко лучше, чем киской или рыбкой... Кстати, мы ведь теперь с тобой муж и жена. Значит, после полета должны будем спать вместе.

– И что? – Осетр сумел скрыть свою оторопелость от такой

откровенности.

– Да ничего особенного. Просто женщина способна исполнять супружеские обязанности и без желания. А вот как быть с тобой, золотник?

Это была уже свехоткровенность, и Осетр пораженно замолчал.

– Если мы не станем спать вместе, – продолжала Катерина, – это рано или поздно станет известно окружающим и вызовет подозрение. Что за странные молодожены? – Она смотрела на Осетра озабоченным взглядом. – Как думаешь?

– Э-э-э... – сказал тот. И добавил: – Я думаю... э-э-э...

Большого он выдавить из себя не смог.

Катерина пожала плечами и отправилась в душевую.

А Осетр принялся одеваться.

Проблема была и в самом деле еще та.

Когда он познакомился со своей легендой, эта сторона совместной жизни с «женой» как-то ускользнула от его внимания. А теперь неожиданная проблема встала перед ним во весь рост.

И в самом деле... Спать им вместе придется. Иначе легенда очень быстро накроется медным тазом. Более того, им не просто спать вместе придется, но и разыгрывать из себя влюбленных. Способен ли он на это? А если способен, как это будет выглядеть по отношению к Яне? Это же, в общем-то, измена! Но если главное – интересы страны и нации, может, эта измена и не совсем измена? В конце концов, он

выполняет задание руководства! А если копнуть глубже, руководство делает все в его же интересах, и когда он, Осетр, станет наследником престола, получится, что в прошлом он выполнял задание самого себя... Тьфу, чепуха какая-то!

Он поневоле прислушался, но из душевой доносилось только негромкое шуршание водяных струй, бьющих по девичьей коже.

«А что ты хотел услышать? – спросил он себя. – Какие песни она поет, когда моется? Повизгивает ли от холодной воды? Она, может, и петь не умеет, и не любит контрастный душ...»

Эти мысли показались ему отчего-то настолько важными, будто от них зависело все выполнение задания, будто он и в самом деле собирался заделаться резидентом в Великом Мерканском Ордене.

Потом он подумал о том, что быть в родной стране наследником престола, которого не ждут, гораздо труднее, чем средоточием шпионских информационных потоков в чужом рукаве Галактики. Резидент может остаться в живых, даже если допустит прокол; пошедший же против императора в случае проигрыша отправится на кладбище. Впрочем, на кладбище – это в переносном смысле слова, на самом деле от трупа и следов не останется. Разрубят, сожгут и развеют на ветру, чтобы никаких следов не отыскиали. Нет человека – нет проблемы, известно издавна.

«А ведь она, Катерина эта, тоже рискует, – подумал он,

переодеваясь в висевший в шкафчике костюм (те, кто бронировал место, не забыли ни о чем). – Если все раскроется сейчас, ей тоже не сносить головы. Убьют на всякий случай, слишком уж опасная свидетельница».

Он вдруг ощутил обеспокоенность за нее, за ее судьбу.

В конце концов, она – женщина, а он – мужчина. В конце концов, она – его подданная, и он несет за нее ответственность, как правитель, пусть и будущий. В конце концов, она его жена – пусть и липовая!..

Катерина выскочила из душа свежая и розовая, завернутая в полотенце. Когда она прошла мимо, ноздрей Осетра коснулась волна незнакомого аромата.

У Яны духи имели совсем другой запах.

– Прекрасный костюм, – сказала она, оглядев «мужа». – Это я заказала. Размеры твои мне сообщили. Хорошо пойман по фигуре.

Она вела себя, как его жена, еще до знакомства с будущим мужем. Интересно, отцу тоже мама костюмы заказывала?...

– Я выйду? – Он шагнул к люку, ведущему в коридор.

Катерина посмотрела на него удивленно.

– Тебе же надо переодеться к завтраку, – пояснил он.

Она не кивнула, не усмехнулась и не помотала головой.

– Миркин, – сказала она. – Мы с тобой муж и жена. Понимаешь? И переодеваться должны в присутствии друг друга. Иначе неизбежен провал.

– Да, – сказал Осетр деревянным голосом. – Понимаю. Ты,

конечно, права... Тогда я просто отвернусь.

Она пожала плечами:

– Отворачивайся, если тебе так хочется.

В голосе определенно звучала обида.

Он развернул кресло и уселся в него – носом в сторону санблока, представлять, как совсем недавно там шумела вода.

Кажется, Катерина хмыкнула, но он не стал обращать на это внимания.

Зашуршала одежда, потом шуршание прекратилось. А потом его затылка коснулась горячая рука.

Осетр обернулся.

Катерина стояла перед ним совершенно голая.

– Иди ко мне, Миркин, – сказала она каким-то странным тоном.

Он не мог оторвать глаз от всего того, что обычно скрывается под одеждой. С шумом втянул слюну, сглотнул...

– Иди ко мне, Миркин, – повторила она, опустилась на колени, взяла за руку и положила его ладонь к себе на грудь.

Ощущение было тем же самым, что с Яной.

И он потерял голову.

Костюм они срывали вместе.

А когда голову удалось вернуть на место, все стало в жизни иным. И снова пришлось обоим идти в душ.

Но после душа у Осетра уже и мысли не возникло о том, что надо бы выйти, когда Катерина переодевается. И остава-

лось только удивляться, как быстры бывают в душег человека иные перемены.

На завтрак они едва не опоздали.

Глава шестая

– Ты позволишь мне сделать тебе замечание? – спросил Осетр.

– Да, конечно, милый! – Катерина улыбнулась.

Они сидели за столом и ждали, пока официант принесет заказанные блюда.

На Катерине снова были коричневые блузка и штаны.

Костюмчик строгой дамы, на которую никак не подумаешь, что она четверть часа назад выскочила из супружеской постели...

– Когда мы познакомились, ты назвала завтрак «приемом пищи», и я сразу понял, что ты не штатский человек.

Она на мгновение задумалась, потом кивнула:

– Ты прав. Надо лучше следить за тем, что болтаешь. – В ее голосе не было никакой обиды.

Нет, определенно в «жёны» Осетру досталась далеко не дура. И хотя бы это радовало. Лишний раз не будет раздражать.

– На подобных мелочах обычно и сгорают.

– Мы не сгорим, – пообещал он, сам удивляясь уверенности, родившейся в сердце. – Вот увидишь.

К столу приблизился симпатичный официант, больше похожий на манекенщика, принес крайинский борщ: выросший на Малороссии сирота Остромир Криворучко, разуме-

ется, предпочитал это блюдо – в приюте почти каждый день баловали воспитанников крайинской кухней.

В школе «росомах» повара тоже иногда кормили будущих гвардейцев борщами. А потому удовольствие, получаемое Криворучко, ничем не отличалось от удовольствия, получаемого Приданниковым. Даже артистические способности для демонстрации не требовались...

– Превосходно! – сказала Катерина после первых же ложек красного кушанья. – Ничего более вкусного в своей жизни не видела. Интересно, почему так хочется есть? Вместе с тарелкой бы проглотила!

Видимо, она нечасто летала транссистемниками. А если и часто летала, то никогда не интересовалась пострелаксационным синдромом.

Впрочем, женщины есть женщины, даже и будущие шпионки – у них голова все равно по-другому устроена, даже если они умеют стрелять без промаха и ломать голыми руками шейные позвонки.

– Это всегда так, – сказал Осетр и принялся объяснять жене, что из себя представляет пострелаксационный синдром.

– Ха! – сказала Катерина. – Можно подумать, ты много путешествовал по Галактике!

– Да уж немало, – воскликнул Осетр.

И осекся – по легенде сирота Криворучко до сих пор не покидал пределов не только системы звезды Бархатная, но и с Малоросии-то никуда не отлучался.

Увы, ментальность еще не перестроилась! Гвардеец хренов! «Росомаха» без хвоста, ржавый болт тебе в котловину!

— Один — один, — сказал он.

Катерина фыркнула, но прозвучало это совсем не обидно.

— Ты доволен, Миркин? — спросила она потом.

— Конечно, Катерина. У меня определенно наблюдательная супруга. — Он подмигнул. — В нашем деле это весьма полезное качество.

— Я вовсе не о том.

Он глянул на нее непонимающе. И тут же просек орбиту.

«И в самом деле, ты доволен?» — спросил он себя.

Прямого ответа не нашлось.

Он был вынужден себе признаться, что ему было хорошо.

Не хуже, чем тогда на Дивноморье, с Яной. И уж всяко лучше, чем позже, в доме терпимости... Но, может, потому и было хорошо, что ему все время казалось: он обнимает Яну Чернятинскую?

И никуда от этого ощущения было не деться! Обманывай себя не обманывай!

Катерина ждала ответа. Глаза ее сделались совсем серьезными, и отвечать надо было не дурачась.

— Да, Катенька, — сказал он. — Мне было хорошо.

Похоже, она ждала именно такого ответа, потому что чуть слышно вздохнула и улыбнулась:

— Я рада.

И только тут он сообразил, что ждала она от него совсем

иного ответа.

Однако он сказал то, что сказал. Но она почувствовала, что не соврал. И вот именно этому улыбнулась.

– Да, Катенька, – повторил он.

И мысленно продолжил:

«Но я тебя не люблю. Да и ты меня вряд ли любишь. Не могла ты меня так быстро полюбить, за одну только первую постельную встречу. Это было бы слишком! Просто, похоже, вы, женщины, намного быстрее приспосабливаетесь к изменениям в своей жизни. В особенности к тем изменениям, что от вас не зависят».

– Женщины более гибкие по своей натуре, – сказал он.

– А ты как думал! – отозвалась она. – Только потому мы, человеческие существа, все еще и живы!

И показала ему язык.

И он понял, что «супруги Криворучко» установили между собой не только физиологический, но и эмоциональный контакт.

Глава седьмая

На Новой Москве меры по обеспечению безопасности Остромира Приданникова были предприняты просто фантастические.

«Супруги Криворучко» попали к месту назначения не сразу, а пройдя цепочку из трех явочных квартир.

Причем Осетр быстро начал подозревать, что все три квартиры были организованы исключительно для проведения этой операции. К тому же с какими-либо помощниками или опекунами супруги Криворучко практически не встречались.

На орбитальном вокзале Осетра ждало сообщение о номере забронированного такси, которое должно было ждать супругов Криворучко возле наземного терминала. Когда шаттл опустился на Новую Москву, супруги вышли на привокзальную площадь, отыскиали эту машину и уже через четверть часа оказались на пороге гостиницы с нелепым названием «Современная старина».

Стариной там и не пахло, однако это было неважно. Главное, что у портье господина Остромира Криворучко ждала посылка.

Супруги забрали коробочку и отправились в расположенный поблизости, полупустой в это время парк, где, усевшись на скамейку, изобразили отдыхающих влюбленных. А между

объятиями и поцелуями незаметно для окружающих ознакомились с содержимым коробочки.

Внутри находилась «кровавая мэри».

Так среди секретных агентов называлось устройство, содержащее информацию, не предназначенную для чужих глаз, и способное отдавать ее только после анализа крови человека, пожелавшего получить хранящиеся внутри «кровавой мэри» сведения. Генетический код, понятное дело... Если вскрыть «мэри» пытался бы не тот, на чей код она была настроена, информация тут же самоуничтожалась.

Осетр сунул мизинец левой руки в отверстие на боку аппарата, ощутил легкий укол и через пару секунд обладал адресом первой явочной квартиры.

Там они обнаружили еще одну «мэри», адрес следующей явочной квартиры и пожелание непременно провести здесь ночь и только на следующее утро отправиться по новому адресу.

Так они и поступили. И получили еще один адрес тайного жилища.

На явочных квартирах они убивали время, занимаясь любовью, ибо чем еще могут развлекаться двое молодых людей, обреченные судьбою играть роли молодоженов и оказавшиеся один на один в отдельном помещении?... Как ни крутись, природу не обманешь!

Но всякий раз с Осетром была не Катерина, а Яна Чернятинская, и он ничего не мог поделать с этим ощущением.

К тому же если не заниматься любовью, то можно только разговаривать, а разговаривать, в общем-то, было практически не о чем. Разве что в очередной раз пересказывать друг другу собственную легенду. Наверняка через какое-то время общие темы у супругов обнаружатся, но это будет позже, когда появится настоящая совместная жизнь, а пока таковой не было, ибо общая постель – это еще не гарантия совместной жизни.

В конце концов, еще через день, на третьей явочной квартире, они встретились с человеком, который, назвав пароль и выслушав отзыв, посадил их в глайдер безо всяких рекламных надписей на бортах и отвез к цели всего путешествия.

Разведшкола располагалась в лесном массиве, защищенная со всех сторон силовым барьером. Скорее всего, и воздушное пространство над нею было закрыто для любых летательных аппаратов, кроме принадлежащих самой школе.

Внешне школа мало была похожа на то учебное заведение, где воспитывали будущих «росомах».

Местное руководство ходило по территории в штатском, представлялись без званий и исключительно по имени-отчеству.

Первичный инструктаж проводил некий Савва Петрович, кряжистый мужчина лет сорока, коротко стриженный, с выбритым до синевы подбородком. Только подбородок этот и мог сказать, что перед вами военный, ибо манеры у инструктора были совершенно гражданскими.

– Поздравляю вас с прибытием, господа! – сказал он уверенным баском. – Полагаю, вы никогда не пожалеете, что выбрали для себя именно этот род человеческой деятельности.

Прозвучало поздравление весело и легкомысленно, будто супруги Криворучко решились сделаться цирковыми артистами. Катерина, к примеру, намеревалась крутить на талии две дюжины гимнастических обручей, а Осетр подался в летающие акробаты с подкидной доской...

Однако следующие слова Саввы Петровича зазвучали уже по-иному, тяжеловесно и победительно.

– Служить на благо отечества – это всегда великая доблесть и честь! Но служить ему, находясь в стане врага, – это настоящий героизм!

Осетру от подобных слов захотелось поморщиться.

Он глянул на Катерину и с трудом сдержал удивление: щеки девицы заалели, но не от стыда, а от гордости за дело, каким ей предстоит заниматься.

Конечно, она ведь не была убудочной дочерью императорствующей особы, плодом греховной связи, который попытались искоренить из жизни вместе с чревом матери.

Да уж, служить отечеству, которым командует такой правитель, – и в самом деле настоящий героизм.

Ознакомительный инструктаж оказался недолгим.

Возможно, Савва Петрович почувствовал отношение Осетра к его словам и решил особенно не распространяться.

Не все ведь идут в разведчики ради службы отече-

ству, некоторые попросту зарабатывают подобным способом деньги.

Почему бы этому молокососу и не оказаться таким?

Савва Петрович скоренько рассказал новичкам о порядках, царящих в разведшколе, и отправил их в канцелярию.

Местные порядки и походили, и не походили на организацию учебы в школе «росомах». Существовал распорядок дня с подъемом, отбоем и приемом пищи в определенные часы. Каждый день, кроме воскресенья, был посвящен учебе. Но жили курсанты не в казармах, а в небольших домиках.

В канцелярии новых курсантов поставили на довольствие, выдали подъемные и обеспечили жилищем.

Вселили супругов Криворучко в отдельный домик с гостиной, общей спальней и двумя учебными комнатами.

Осетр удивился было наличию гостиной (не школьное какое-то помещение), но ему объяснили, что среди курсантов принято ходить друг к другу в гости, что общение – один из методов добычи разведчиком информации и далеко не самый последний.

А вот обучение велось в строго индивидуальном порядке.

Обучаемый и преподаватель встречались в учебной комнате. Здесь же обучаемый проводил самостоятельные занятия.

Впрочем, в первый день новые курсанты были освобождены от предусмотренных распорядком занятий. Обживались, знакомились с соседями. Рядом располагались домики таких

же «семейных пар». А может, настоящих семейных пар...

С одной парой познакомились уже за обедом – уселись за один стол.

Супруги Ахметвалеевы оказались очень приятными людьми. Судя по внешности, их готовили в «подданные» халифу Усману XI, и жить им вскоре предстояло на Новом Эр-Рияде или на какой-нибудь Абу-Али. Они наверняка сейчас усиленно изучали Коран и прочие священные книги мусульман.

Однако на манере общения будущая работа Ахметвалеевых совершенно не сказывалась. Все приветствия оказались исключительно на русском и христианскими. Впрочем, было бы странно, начини эти двое говорить при знакомстве с настоящими соотечественниками: «Салам алейкум!»...

Каждый разведчик действует сообразно окружающей обстановке, каждый разведчик – актер милостью божьей, других на эту работу просто не берут. Они сродни «росомахам», только «росомахи» чаще действуют в открытом бою, а для разведчика открытый бой – следствие провала, а значит, следствие плохой работы.

С одной стороны, «Салам алейкум» означает привыкать к будущей жизни, а с другой, любому и каждому ясно, где эта будущая жизнь будет протекать.

Как выяснилось, вести беседы в таком поле ограниченный – нелегкая задача. Все четверо то и дело задумывались, прежде чем позволить себе очередную реплику.

И Осетр решил, что работа разведчика в чем-то выше «росомашей» – если судить по разговору, то для разведчика лучше всего быть молчуном, но молчуны редко способны войти в доверие к людям, разве лишь к подобным же неразговорчивым личностям.

Молчун сам по себе подозрителен – если человек помалкивает, у него что-то на уме, а тот, у кого что-то на уме, обывателю непонятен.

Никуда не денешься – человеческая психология! Точнее, психология обитателей человеческого стада...

После обеда Ахметвалеевы отправились на занятия, а у Криворучко образовалось запланированное свободное время.

Решили потратить его на прогулку по территории базы. Однако прогулка не удалась – едва сделали десяток шагов от столовой, как словно из ниоткуда возник тип в форменной рубашке и брюках с триконкой «Охрана» на груди.

– Простите, господа! – сказал он. – Ваше жилище находится вон там.

Пришлось развернуться и отправиться к родному домику.

– Порядки здесь строгие, – сказала Катерина без осуждения, когда они расположились в гостиной. – Ты кем был?

– Я ведь тебе рассказывал...

– Ты рассказывал легенду, а мне хочется знать, кем является мой муж на самом деле.

Осетр тут же насторожился, но «росомашье» чувство тре-

воги молчало.

Если Катерина и являлась вдруг чьим-то агентом, то угрозы в настоящее время не представляла. К тому же она и в самом деле была теперь его супругой, как к этому факту ни относиться. И вполне могла рассчитывать хоть на малую толику правды.

Однако правды он ей, разумеется, не сказал. Врал по-«ромашьи» – уверенно, красиво и с ленцой.

Так обычно рассказывают правду девушке, если хотят ее обольстить. Катерину обольщать не требовалось – она и так всегда была готова забраться в постель, это он теперь, после пребывания на явочных квартирах, прекрасно знал.

Врал он про отца, спившегося на далекой периферийной планете; про рано умершую мать, не дождавшуюся, пока вырастет сын; про доброго дядю, материного брата, делового человека, решившегося позаботиться о племяннике и отдавшего его в школу охранников. Там племянника кое-чему поднаучили и кое в чем поднатаскали. Именно оттуда появилось умение владеть своим телом, которое Катерина наверняка заметила в супруге. А потом в школу пришел господин вербовщик, понарасказывал всякого про увлекательную профессию разведчика, заинтересовал, само собой. Потом устроил юноше проверочные тесты, и тот, к собственному удивлению, показал необходимые господину вербовщику результаты.

Разумеется, Осетр не знал, каким образом в реальности

отбирают кандидатов в школу разведчиков, но это не имело никакого значения. Если даже Катерина и понимает, что он лжет, опровергнуть она его не сможет и не пожелает.

Российская Империя велика, в ней может происходить все, что угодно и как угодно. А сам факт лжи Осетра никакого значения не имеет, поскольку Катерина прекрасно понимает, что он и не должен говорить ей правду.

Глава восьмая

Второй день пребывания в школе начался с того, что Осетр заполучил в свое распоряжение сетевого агента.

Программа, разумеется, была типовой, но интерфейс, как и в иных местах работы, можно было подогнать под собственную фантазию – выбрать пол, внешность, голос.

В результате в конце установочного занятия над левым углом рабочего стола появилась видеоформа, чрезвычайно похожая на Татьяну Чернятинскую. Ее глаза, волосы, губы. И голос у сетевой агентессы был Янин.

– Привет, Остромир! – сказала сетевая. – Я рада нашему знакомству. Приложу все усилия, чтобы помочь тебе в учебе.

– Привет, – ответил Осетр дрогнувшим голосом: ощущение, что это настоящая Яна, родилось у него сразу и не покидало до самого момента выключения видеоформы.

Отзывалась сетевая на ник, разумеется, Яна.

А для общения в присутствии посторонних у сетевой был предусмотрен режим второй внешности.

Его Осетр тоже подобрал соответствующим.

Длинные, слегка взлохмаченные волосы, пронзительный и повелительный взгляд, усы, величавость в движениях. Резкий мужской голос...

Всякий, кто изучал историю русского народа, сразу бы

узнал этого человека. Потому что это был Петр Первый, не только первый царь Петр, но и первый император росичей. Впрочем, тогда они назывались русскими...

– Какие будут задания, Остромир?

Осетр ввел полученные у школьного начальства коды, и через несколько мгновений на видеопласте появилась программа, которую ему вменялось изучить.

Это был мрак и ужас.

Теория государственного управления, психология общения с подчиненными, принципы построения вооруженных сил, принципы налоговой политики... И куча других наук, вряд ли нужных «росомахе», но без которых не может обойтись государственный деятель.

И только тут до Осетра по-настоящему дошло, какую глыбищу знаний ему предстоит поднять за тот не слишком долгий курс обучения, который, по его представлениям, был запланирован для закордонного резидента. Без «мозгогруза» сделать это в столь короткое время было попросту нереально!

Яна-сетевая тут же подсунула ему методику процесса, и выяснилось, что те, кто задумал всю эту операцию, вовсе не дураки: использование «мозгогруза» оказалось предусмотрено.

А чтобы знания не выветрились, каждый курс должен был заканчиваться несколькими контрольными тестами, требующими практического использования полученных знаний. Да

и преподаватели, надо полагать, тоже будут помогать обучаемому закреплять знания.

Тем не менее мысль о неподъемности предстоящего жила в Осетре несколько часов. А потом он попросту заставил себя не думать об этой проблеме.

Глава девятая

И покатились учебные будни.

С утра супруги Криворучко завтракали и отправлялись каждый в свою учебную комнату. Вскоре приходили преподаватели – к каждому свой. До обеда шла тяжелая работа по изучению новых наук. После обеда и непродолжительного отдыха наступало время зачетов и контрольных тестов. А потом начиналась самостоятельная работа – до самого ужина. Если бы компьютерные программы могли перегреваться, сетевая агентесса Яна, наверное бы, дымилась от напряженного труда. Даже когда выступала под личиной высоченного и здоровенного Петра Первого.

Постепенно, в перерывах между занятиями, Осетр обучил сетевую повадкам и манерам Татьяны Чернятинской (какой он, разумеется, помнил настоящую Яну). При этом выяснилось, что он то и дело не может вспомнить лицо настоящей Яны, но прекрасно помнит, как она наклоняет голову, вопросительно глядя на собеседника. В результате сетевая, задавая ученику контрольные вопросы при тестировании самостоятельной работы, непременно наклоняла голову по-чернятински.

Вторая же ипостась сетевой совершенно не менялась. Ну Петр и Петр!..

Теперь Осетр и сам не понимал, зачем он выбрал для вто-

рой внешности сетевой именно этого человека.

Скорее надо было выбрать Юрия Андропова. Или Владимира Путина...

Супруги не знали, какие конкретно науки изучает каждый из них.

Впрочем, еще в самом начале, когда шел инструктаж, их предупредили, что интересоваться предметами другого ученика ни в коем случае не стоит. Любопытство хорошо в меру. Излишнее любопытство – причина неожиданных провалов.

Никто с такой установкой не спорил. Ведь, подумав, каждый приходил к неизбежному выводу: чем меньше ты знаешь о специальной подготовке своего напарника (а фактически с оперативной, несексуальной точки зрения твой супруг был именно напарником), тем труднее, в случае если ты провалился и оказался должным образом, с применением суперпентотала, допрошен, врагу будет спрогнозировать поведение твоего скрывшегося напарника.

Правда, надо полагать, что разведчиков обязательно кодируют перед тем, как внедрить на территорию вероятного противника, но береженого, как известно, господь бережет.

Так, во всяком случае, думал Осетр, поскольку события на Дивноморье показали, что кодировка не всегда спасает от собственного длинного языка.

И не было серьезных причин, по которым стоило излишне надеяться на кодировку государственным чиновникам, разрабатывающим программы подготовки русских развед-

чиков.

Любому крестину ясно – на сколь угодно сильного кодировщика может найтись более сильный раскодировщик, даже если подобные специалисты в настоящее время и не существуют. Наука, как известно, на месте не стоит. И на любое средство нападения быстро изобретается средство обороны. И наоборот. Круговорот военного изобретательства... Неизбежность прогресса...

По вечерам семейные пары иногда ходили друг к другу в гости.

Разговоры в компаниях вертелись вокруг новинок кино, благо столичная сеть позволяла следить за всеми новостями культурной жизни, а свободное время у курсантов после ужина имелось. Театр пользовался меньшей популярностью, хотя среди обитателей школы находились и заядлые театралы. Но супруги Криворучко к ним не относились.

Осетр, правда, задумывался порой над своей будущей жизнью – в частности, над неизбежными светскими выходами в императорские театры, – но, поразмыслив немного, пришел к выводу, что всякому времени свои проблемы.

Пока ты находишься от трона на расстоянии нескольких схваток с противниками (причем ни одна из этих схваток еще не выиграна), не стоит слишком занимать голову знаниями о театре. К тому же никто не сможет обязать новоиспеченного императора занимать свой досуг тем, что ему не нравится.

Гораздо больше его расстраивало то, что он не способен был больше написать такой стих, какой у него получился, когда их с Яной разлучили.

Впрочем, стихотворное ремесло вообще находилось за пределами познаний «росомахи». Понятно, что некоторые люди способны писать по стихотворению в день, но «росомаха» вряд ли может быть таким, иначе бы он учился совсем в другой школе...

В общем, будет день – будет пища!

Когда он встретится с Яной, тогда и станет ясно, сохранилась ли у него способность рифмовать строчки. А пока голову ломать над этой проблемой попросту не стоит.

Приказы в стихотворной форме отдавать не придется, да и до самой поры, когда придется кому-то отдавать приказы, надо еще дожить. Так что станем опираться на прозу, а дальше видно будет.

Это была мудрая мысль, и подобная мудрость не могла не радовать – учеба идет не даром...

Глава десятая

– Ох, грехи наши тяжкие! – сказал со вздохом Рашид Ахметвалеев, ставя на стол поднос с обедом. – Теперь я хорошо понимаю классическую фразу «замучен тяжелой неволей...»

Осетр снова подумал, что этому парню придется нелегко за кордоном – российские выражения крепко-накрепко врублены в его мозги.

Впрочем, надо полагать, перед заброской Рашида проверят что называется «от и до». На неизбежный провал никто человека посылать не станет... А вот Гюзяли будет гораздо проще – у нее речь более нейтральна. А значит, и мысли – тоже.

– Сдал очередной тест? – спросила Катерина, расставляя на столе тарелки с подноса, который принес Осетр.

Гюзяль, последовав ее примеру, взялась за тарелки Рашида.

– Сдал, конечно, – ответил тот, подмигнув Катерине. – Где наша не пропадала! Нам очередным тестом нос не прищемить!

– А ты? – Катерина повернулась к Гюзяли.

Ахметвалеева молча кивнула.

– Ну и мы справились с утренними заданиями. Правда, Миркин? – Катерина глянула на супруга.

– Да, у нас тоже носы не прищемлены, – усмехнулся тот.

Расселись, споро принялись за крайинский борщ – Ахметвалеевы тоже любили это блюдо.

Учеба, к счастью, еще не перешла на стадию, когда каждому потенциальному разведчику будет предписано есть исключительно ту пищу, что распространена на его новой родине.

В результате супругов Криворучко ждет «любовь» к фаст-фуду, а супругов Ахметвалеевых – к баранине всех видов и сортов.

Когда первый голод был утолен, завязался разговор – теперь уже не о зачетах и занятиях.

– Сетевые политологи без умолку трещат о том, что обстановка в Галактике ухудшается, – сказал Рашид. – Что-то мне это не нравится...

– А с чего бы ей улучшаться? – отозвался Осетр. – Межгосударственные противоречия пока никто не отменил. У всякой страны есть интересы, и всякий властитель блюдет их как зеницу ока.

«Кроме нашего», – едва не добавил он. Но сдержался.

– А у меня вот какая мысль мелькнула, – продолжал Рашид. – Представляется мне, что дело тут не только в государственных интересах. То есть в них, разумеется, в первую очередь, однако... – Он взмахнул ложкой. – Вы вспомните, как было во все века. Да, люди запросто убивали друг друга из-за куска хлеба или любви женщины, но ведь иногда такие вещи происходили вовсе не потому, что нечего есть и не

с кем спать. Иногда убивали себе подобных просто из удовольствия. Вот ведь как получается!

– Ну да, – кивнула Катерина. – А иной раз и платят за убийство ради удовольствия. Я слышала, гладиаторы и по сию пору существуют, хотя вроде бы официально рабов давным-давно нет. Ведь не просто же ради денег они идут на это.

– Рабов среди нынешних гладиаторов вообще нет, – сказал Рашид и улыбнулся. – Там все, что называется, вольные люди.

Осетр вспомнил свой недавний дивноморский опыт.

Девочка права, совсем не из-за денег большинство клиентов импресарио Модеста Силантьевича брали в руки острые клинки, крепкие палки и другое оружие. Они просто хотели чувствовать себя победителями, первыми среди себе подобных. И чувствовали себя такими. И это чувство наполняло их силой – силой вовсе не физической, а... Вот только можно ли называть ее нравственной?...

– Эй! – Катерина помахала перед лицом Осетра ладонью. – Ты где витаешь, супруг мой?

Осетр мотнул головой и улыбнулся:

– Размышлял над словами Рашида. И над твоими.

– Я еще главного не сказал, – продолжал Ахметвалеев, положив ложку в опустевшую тарелку и берясь за вилку. – Мне кажется, главное состоит в том, что люди просто не могут жить без врага. У них обязательно должен быть в пределах досягаемости кто-то чужой, не такой, как свои, тот, ко-

го можно и должно уничтожить. — Он придвинул к себе тарелку с котлетой по-новокиевски. — Вот смотрите... Мы, люди, освоили немалую часть Галактики, но по-прежнему грыземся друг с другом. А вот если бы нам встретился лютый враг... какие-нибудь там арахниды или разумные ящеры, мы бы скоренько договорились друг с другом, объединились и совместными усилиями жажнули по противнику. И недавний противник был бы при этом лучшим другом... Как считаешь? — Он повернулся к Осетру.

— Не знаю. — Осетр пожал плечами и тоже сменил ложку на вилку. — Я как-то не думал об этом.

— А ты подумай! В Галактике существует семь государств. Они борются друг с другом, заключают союзы друг против друга, засылают друг к другу разведчиков, вылавливают чужих шпионов... Отправляют, не афишируя своих действий, в чужое пространство каперы, держат на поводке пиратов, захватывают чужих подданных... Это все абсолютно деструктивные действия. А если и предпринимается что-то хоть мало-мальски конструктивное — то опять же с целью сугубо деструктивных действий! Но и это не все. Есть более серьезные, просто, на мой взгляд, судьбоносные ошибки... Мы почему-то приняли на веру, что в Галактике нет никого, кроме людей. Считается, что даже центр ее безжизнен, иначе бы, мол, оттуда давно пожаловали гости.

— Гости, способные пересчитать нам кости, — сказала молчаливая Гюзяль.

– Но может, просто пока не пришло время таких гостей? – продолжал Рашид. – А если оттуда и в самом деле никто не пожалует, так ведь существует бесчисленное множество других галактик. И есть ли гарантия, что где-нибудь в туманности Андромеды или в Гончих Псах не обитают существа, от которых нашим потомкам достанутся лишь кровь, пот и слезы?... А может, и не потомкам вовсе, может, и мы успеем хватить лиха через край!.. Нет, девочки и мальчики, я бы на месте наших правителей собрался бы кучкой, договорился и начал размышлять, как организовать совместную оборону. Но об этом даже подумать никому в голову не приходит.

В душу Осетра повеяло холодком тревоги.

Он вспомнил свой, отчасти повторяющийся сон.

Разве не ясно, что сон этот снится не просто так? Это ж не простой сон, это определенно сон-оракул, вещий сон! Разве не ясно, что провидение пытается предупредить Осетра?

Ахметвалеев прав. И в самом деле, почему никто из человеческих руководителей не думает о том, что может угрожать если не нам, то хотя бы нашим потомкам. Все упиваются ощущением собственной власти. Все видят только «сейчас» и знать не хотят «завтра». После нас хоть трава не расти!..

Слепцы!

А вот насчет собраться и договориться – тут Рашид не прав. Не соберутся наши правители и никогда ни о чем не договорятся. Кишка тонка! Это ж не просто надо встретить-

ся и побеседовать, это ж придется частью своей власти пожертвовать для того, чтобы действовать совместно! Нет, девочки и мальчики, такого от них ни в жизнь не дождешься! Такое, по их понятиям, сродни детской сказочке! Такое, по их понятиям, – просто глупость!..

И что же дальше? Выходит, мы должны принимать мир таким, каким его организовали предки, таким, каков он есть, каков нам достался? Выходит, все мы – заложники своих недалеких пращуров, заложники нынешних высокомерных властолюбивых ублюдков?

Ну уж нет!

Помимо слова «договориться» существует слово «заставить»! Если властолюбивые ублюдки не хотят договариваться, надо покончить с ними и посадить на их место тех, кто понимает, какие действия на пользу человечеству, а какие – во вред! И вот эту задачу в самый раз сделать целью своей жизни. Это не то, что отомстить императорствующему подонку за жизнь матери!

Это намного важнее!

– Эй! – Катерина снова помахала перед лицом Осетра ладонью. – Ты опять витаешь в облаках, супруг мой?

Он недовольно мотнул головой, повернулся к ней, и она вдруг прикусила губу. Ибо поняла: где бы ее супруг минуту назад ни витал, мысли его были слишком серьезными, чтобы над ними подтрунивать.

Глава одиннадцатая

Через пару дней речь за обедом снова зашла о политической ситуации в Галактике. Однако на сей раз беседа с общих межгосударственных тем быстро повернула на конкретные меркано-росские отношения.

– Мне кажется, – сказал Рашид, – что мы совершенно напрасно плетемся в кильватере политики Ордена. Вот помните мое слово, рано или поздно устроят нам господу сайентологи козью морду. Голову дам на отсечение, что устроят! С них станется! Сильного ослабь, слабого сожри – таков извечный закон выживания. И нас он тоже касается... А вы как считаете, Остромир?

Остромир Приданников считал абсолютно так же. Однако Остромир Криворучко мог иметь о затронутой проблеме и совсем другое мнение.

Катерина оторвалась от солянки и с интересом посмотрела на супруга. Ей определенно было небезразлично, как любезный сердцу Миркин выпутается из создавшейся ситуации.

Любезный сердцу Миркин задумался с недонесенной до рта ложкой.

Вообще говоря, ответить на заданный Ахметвалеевым вопрос можно было по-разному. Можно было возмутиться непатриотическим отношением к международной политике

родной страны.

И прослыть трусом или глупцом.

Можно было согласно подхватить предложенное отношение.

И нарваться на провокацию.

Кто знает, с какой целью господин Ахметвалеев завел этот разговор? Может, кому-то требуется получить зацепочку на Остромира Криворучко, взять его на крючок да под жабы. Чтобы, кроме запланированной непосредственной работы на князя Петра Афанасьевича Белозерова, главу имперского разведывательного управления, непланово (с виду непланово, а на самом деле по разработанному плану) привлечь вышеназванного Остромира Криворучко в секретные сотрудники, услугами которых широко пользуется граф Василий Илларионович Толстой, глава имперской безопасности. А точнее, третье отделение его министерства, занимающееся охранным сыском...

– Знаете, Рашид, – сказал Осетр, не позволив паузе, взятой на размышления, затянуться более пяти секунд, – я полагаю, что политические пристрастия в нашей работе способны только помешать делу. Имейся они у меня, мое место было бы на трибуне Имперской Думы, а не в разведшколе.

Ложка отправилась по своему обычному маршруту.

«И пусть я лучше прослышу излишне осторожным, чем трусом или глупцом, – подумал Осетр. – Осторожность – качество, присущее мудрости, а мудрость, как любому извест-

но, во все времена считалась государственно полезным личным качеством».

– Вы, дорогой Остромир, без сомнения, правы, – сказал Ахметвалеев. – Но ведь там, где вам придется работать, политические пристрастия, скорее всего, станут частью вашей работы.

Сотрапезник даже представления не имел, насколько истинны его слова.

Впрочем, об этом не имели представления и все остальные присутствующие. Кроме самого Осетра.

«Знал бы ты, где мне придется работать! – подумал он. – Ты бы тоже решил, что осторожность – качество, присущее мудрости».

Он коротко глянул на Катерину.

Супруга определенно была на его стороне – ее ответный взгляд (легкая хитреца вкупе с некоторым восхищением) говорил об этом явно и недвусмысленно. Так смотрят героини мелодрам, когда гордятся своим избранником.

– Полагаю, друг Рашид, что частью моей работы будут те политические пристрастия, которые пойдут на пользу моей стране.

Во взгляде Катерины жило теперь сплошное восхищение. И никакой хитрецы – ни легкой, ни тяжелой.

– Здорово ты его срезал! – сказала она после обеда. – Может, он провокатор?

Осетр не согласился с ее подозрением.

Но только в том смысле, что Ахметвалеев был провокатором по отношению к нему, Осетру. Ибо быть провокатором как таковым разведчик имеет не только полное право, но и обязанность. В конце концов, провокация – один из методов работы разведчика.

Однако в глубине души он и сам продолжал подозревать Ахметвалеева.

Просто Катерине совсем не надо было знать о его подозрениях. Это не ее обязанность. И даже не ее право...

Он подозревал Рашида до того самого дня, когда супруги Ахметвалеевы после ужина – к этому времени они уже не ели русской пищи – попрощались с супругами Криворучко как-то особенно тепло.

А утром, на завтраке, их уже и след простыл.

И только в этот момент Осетр окончательно убедился, что они находились в разведшколе вовсе не по его душу.

Глава двенадцатая

Учеба продолжалась.

Все последние недели Осетр почти не вспоминал об Яне. Не то чтобы он ее забыл – просто она была словно спрятана на дальней полке в кладовой.

Как любимая детская игрушка, с которой играть на людях уже не по чину и не по возрасту... Зато, если вдруг останешься в доме один, когда не нужно строить из себя взрослого, можно достать ее, стереть с нее пыль и вдосталь насладиться тем счастьем, которое испытывал тогда, раньше...

Нет, забыть такую девушку попросту невозможно. Но работа требовала хотя бы сделать вид, что ты забыл.

И потому по ночам, когда ему дарила свои сладкие ласки Катерина, он не менее сладостно обнимал ее, а не Яну. Но, когда все заканчивалось, перед тем как заснуть, испытывал глухую ноющую тоску, очень похожую на боль в уставших, измотанных физической нагрузкой мускулах. И эту боль не могла заглушить лежащая на его плече голова посапывающей Катерины. И требовалось приложить немалое усилие из тех, что они учили на курсе аутотренинга, дабы изгнать эту боль и заснуть.

И увидеть во сне Яну!..

Однако до конца боль, видимо, не изгонялась, пряталась где-то глубоко в подсознании и оборачивалась вовсе не сном

про Яну.

И просыпался Осетр среди ночи оттого, что Катерина осторожно дула ему в лицо. Когда это случилось в первый раз, он открыл глаза.

Видимо, взгляд его был вовсе не взглядом любящего супруга, потому что Катерина виновато сказала:

– Прости, пожалуйста, но я пытаюсь погасить плохой сон. Тебе ведь кошмар приснился?

Он не помнил, что именно приснилось, и ответил:

– Да, спасибо...

А потом повернулся на другой бок и впился зубами в угол подушки – этот судорожный укус помогал справиться с внезапно возникшей слабостью, и она превращалась в холодный пот, тонкими струйками сбегаящий по груди и спине. Ощущение было таким, будто Катерина ласкала его стылыми пальцами.

То еще счастье!..

В дальнейшем, проснувшись от легкого дуновения в лицо, он уже не открывал глаз и не затаивал дыхание; он принимался мерно и ровно дышать, будто супруга и в самом деле погасила плохой сон.

В конце концов, так оно и было. И кто сказал, что когда гасят плохой сон, он должен превращаться в хороший, а не в бессонную слабость, с которой можно справиться только с помощью методов аутотренинга?...

А утром он ловил на себе жалостливые взгляды жены.

И жалел, в свою очередь, ее. Ведь ей наверняка хотелось узнать, почему ему снятся кошмары, какую жизнь прожил этот молодой парнишка до их встречи, если она, жизнь эта, и по сию пору не дает ему покоя во снах! Любопытство есть неотъемлемое свойство женской натуры – будь ты хоть дизайнер одежды, хоть проститутка, хоть разведчица...

Потом она говорила:

– Тебе опять снился кошмар, Миркин...

Фраза казалась оборванной.

Как будто Катерина не утверждала, а спрашивала. И предлагала ему поделиться той тяжестью, что он таскает на плечах, поделиться с нею, с законной супругой, одна из неотъемлемых обязанностей которой (или, может, одно из главных прав?) – принять на себя часть груза.

– Правда? – удивлялся он. – Честно говоря, ничего не помню!

И беззаботно улыбался, будто сидел возле цирковой арены, среди пестро одетой толпы, любуясь представлением Рыжего клоуна.

Вот только кто был клоуном?...

Катерина тоже улыбалась, но улыбка ее была вовсе не беззаботной, это была скорее ухмылка или даже гримаска.

В конце концов Осетр рассказал ей историю про юношу и девушку, учившихся в школе охранников; об их чудесной любви, перед которой распахивалось безграничное и светлое будущее; о долгой жизни, которая ждала их впереди... если

бы девушка не погибла в результате несчастного случая.

– Ты ее очень любил? – спросила Катерина.

– Очень, – сказал Осетр, вспоминая Яну.

Даже не вспомни он Яну, Катерина бы все равно поверила.

Она была совсем молода по возрасту, и для нее любовь была неизбежной спутницей жизни – не важно, чем ты занимаешься, любовь для молодости сладка, светла и бесконечна. И он, Осетр, был столь же молод, и его чувства мало отличались от чувств Катерины – разве что с поправкой на пол, – и он даже удивился, когда к нему явились эти мысли, про молодость и восприятие любви. Они не могли родиться у него, ну никак не могли. Это были мысли зрелого мужчины, а не юнца...

Впрочем, ведь ему давно стало ясно, что он – необычный молодой человек. Так почему у необычного молодого человека не могут появляться мысли, более свойственные зрелому? Ведь необычность может заключаться и в несвойственности...

Катерина подошла к нему вплотную, коснувшись грудью, положила на его плечи мягкие руки, а потом обняла за шею.

– Я постараюсь, чтобы ты так же полюбил и меня, – прошептала она. – Я очень, очень, очень постараюсь!

Он должен был ответить ей возмущенным вопросом: «Ты что, дура?»...

И не ответил.

Конечно, молодому человеку, недавно потерявшему лю-

бимую, следовало именно так сказать.

Но, во-первых, он, Осетр, потерял любимую на самом деле временно и намерен был в будущем вернуть ее. А во-вторых, зачем было обижать девушку, которая собиралась (пусть и по работе!) разделить с ним определенную часть жизни, а возможно, и лютую смерть принять после длительных пыток в застенках Офиса Добрых Дел, у заплечных дел мастеров Великого Мерканского Ордена?...

И потому Осетр осторожно поднял руку и ласково погладил Катерину по пушистым волосам.

А ей сейчас большего и не надо было.

Глава тринадцатая

Через неделю после исчезновения из разведшколы Рашида и Гюзяля Ахметвалеевых супругам Криворучко разрешили наконец побывать в первом увольнении.

К этому времени кураторы и преподаватели уже убедились, что обучаемые трудятся напряженно, целеустремленно и с охотой, что в процессе освоения знаний больше удач и меньше проколов, что моральный облик курсантов не вызывает опасений. А потому можно и поощрить будущих разведчиков...

Обсуждения, как провести свалившееся на голову увольнение, оказались недолгими.

Предварительно, правда, каждый из супругов пообщался со своим(ей) сетевым(ой) агентом(ессой), запросив список новосковских достопримечательностей, однако, судя по состоявшемуся потом разговору, общение это на настроении и планах господ увольняющихся никак не сказалось.

Ибо Катерина пожелала посидеть немного в кафе («Надоело видеть в столовой одни и те же лица!») и сходить на фильм («Я бы, честно говоря, и в театр сбегала, да спектакли заканчиваются уже после отбоя»).

А поскольку Осетру было вообще все равно («Как пожелаешь, дорогая!»), предложенная Катериной программа и была взята за основу.

В конце концов, что может быть лучше старого доброго кафе и старого доброго фильма!..

Этим видам досуга подвержены обитатели самого захудалого периферийного мира. И то, что они оказались в столице, обычно не меняет их привычек.

А уж курсанты разведшколы, с их привычкой не выделяться среди окружающих, вполне способны сыграть в обитателей захудалого мира, даже если по легенде для посторонних они – местные жители.

В город отправились под своими нынешними именами.

По выданным на руки документам супруги Криворучко числились некими мелкими чиновниками, проживающими в Кедровом Бору, отдаленном пригороде Новобибирева. Судя по названию пригорода, в таком месте должны были расти кедры. Может, и росли – проверять вряд ли стоило. Даже через сетевых агентов. И уж тем более не стоило проверять собственными глазами.

Получили у школьного каптенармуса свои браслеты – на территории школы пользоваться ими было категорически запрещено. Режим секретности... Добыли с помощью школьного синтезатора и полученных в канцелярии кредиток подходящие для прогулки костюмы: Осетру – синие джинсы и такого же цвета мерканку, Катерине – травянисто-зеленое, из какой-то легкой ткани, платье, которое, едва вышли на свежий воздух, тут же принялось слегка переливаться на солнце («Весна ж на улице, дорогой!»), и школьный глайдер,

украшенный гражданским номером, вывез их на площадь к вокзалу, куда обычно приходил монорельс из Кедрового Бора.

На площади было многолюдно, и затеряться в водоворотах толпы не составило никакого труда.

Конечно, в толпе могли прятаться и потенциальные хвосты, но «росомашье» чувство тревоги у Осетра помалкивало.

А вот чувство тревоги, присущее обычному человеку, жило полной жизнью, и причиной тому оказалась Катерина. Судя по тому, как она оглядывалась – удивленно и даже слегка растерянно, – в таком большом городе ей бывать до сегодняшнего дня не приходилось.

– Закрой рот, дорогая моя, – шепнул ей Осетр, – а не то ворона залетит.

Катерина поперхнулась и кивнула.

– Ты же ходила по улицам Новой Москвы не один раз. Тебе давно нечему удивляться и нечем восторгаться. Мы с тобой не туристы, мы изрядно пресыщенные этим городом местные жители. Давай просто прогуляемся. Пойдем куда глаза глядят. Вон хотя бы по той улице. И зайдем в первое попавшееся кафе. А там – посмотрим.

Катерина виновато откашлялась:

– Давай.

Супруги Криворучко взялись за руки и двинулись прочь от вокзала.

Улица, по которой то и дело пробегали четырехколесные водородники, бушевала зеленою распустившихся деревьев.

Катеринино платье казалось невысоким стройным деревцем, удравшим из компании своих собратьев и забравшимся в совершенно не подходящее для него место, прямо на тротуар.

Пройдя мимо пары зданий, сверкающих солнечными зайчиками из окон, свернули в ближайший переулок и метров через пятьдесят наткнулись на подвальчик, носящий название «Три ступеньки» с шаловливой триконкой над дверью: «А не выпить ли нам закусить, господа?»

– Выпить мы не выпьем, – сказал Осетр. – Разве что по бутылочке пива. А вот закусить – самое время!

Именно три ступеньки в подвальчик и вели. Супруги спустились по ним, распахнули прозрачную дверь, вошли.

Время поспешало к обеду, и большая часть столиков оказалась занятой.

Осетр и Катерина расположились за свободным, в дальнем уголке.

В массе своей обедавшие в «Трех ступеньках» походили на клерков средней руки, серых, тихих и не привлекающих к себе внимания, но за соседним столиком самоутверждалась компания из четверых подвыпивших, а потому чрезвычайно шумных типов.

– Между прочим... – сказал один, маленького роста, с лысой, словно кегельный шар, головой, отдаленно смахиваю-

щий на бандита Кучерявого (вечная ему память!). Он замолчал, словно забыл, о чем хотел сказать. – Между прочим, я не понимаю, с какой стати наш император так прогибается перед мерканцами. Подумаешь, тоже мне хреньё в пол-Галлактики! Да наш флот ничуть не слабее ихнего!

Катерина и Осетр переглянулись.

– Флот-то, может, и не слабее, – сказал второй, усатый красавчик, которому самое место было не в кабаке, а на плацу, в составе взвода «росомах», оттягивающего в марше носки армейских ботинок, – да вот главнокомандующий, к сожалению, рыльцем не вышел.

– Тс-с-с, господа, – сказал заплетающимся языком третий. – Не стоит доходить до оскорб... до оскор-р-рблений императора. Хоть у нас и свободная страна, но императора оскорляб... блять не стоит.

Четвертый посмотрел на него с недоумением и начал при-страивать голову на скатерть возле своей тарелки.

Похоже, они сидели тут если не со вчерашнего вечера, то с сегодняшнего раннего утра – абсолютно точно!

– Эй, Спиридонов, не спать! – рявкнул лысый. – Почему ты ничего не скажешь? Может, ты – стукач, Спиридонов? Сделаешь вид, что спишь, а сам потом мибовцам нас заложишь...

Спиридонов оторвал голову от стола, все так же недоуменно посмотрел по сторонам, будто не понимал, откуда до него доносится звук и что он означает, потом снова начал при-

страиваться возле тарелки.

– Не тронь его, – сказал усатый лысому. – Пусть поспит немного. Не то его домой везти придется, а у него Елизавета Максимовна – конь с копытом, а не женщина, дай ей бог здоровья! Оно тебе надо, везти его домой?

– Клал я, – сказал Спиридонов почти трезвым голосом. – И на министерство имперской безопасности клал, и на самого Владислава! По мне, так все они одним дерьмом мазаны.

– Твоим? – фыркнул лысый.

– А хотя бы и моим... – Спиридонов снова оторвался от стола, откинулся на спинку стула, свесил голову на грудь и окончательно утомился.

Теперь его, наверное, могла разбудить лишь Елизавета Максимовна, конь с копытом, дай ей бог здоровья...

– Ладно, пусть поспит. – Лысый вдруг обернулся и с остервенелым удивлением посмотрел на Осетра.

«Росомашье» чутье молчало, и Осетр просто сделал вид, что осматривает интерьер кафе.

Катерина сидела, уткнувшись в меню носом, и в ус не дула.

Конечно, если, как говорится, начнутся беспорядки, небольшие проблемы могут возникнуть только с красавчиком, но еще профессиональнее будет не допускать конфликта вообще.

Осетр отвернулся от соседского стола и присоединился к Катерине.

– Ну что, дорогая, решила?

– Да, дорогой! – Катерина принялась перечислять выбранные блюда.

Крайинской кухни тут не было, и на любимый борщ рассчитывать не приходилось. Остановились на ухе и рыбных же биточках с картофельным пюре. Массовое питание... Почти мерканский фаст-фуд... Только наши рыбные биточки с картофельным пюре получше их чизбургеров будут. Если, конечно, должным образом приготовлены...

Между тем соседи продолжали ругать власти.

«Глас народа – глас божий, – подумал Осетр, стараясь не прислушиваться к их выражениям. – Дед и его соратники совершенно правы со своим заговором. Не то плохо, что ругают Владислава, а то плохо, что императора есть за что ругать! Впрочем, разве у меня появились сомнения? Разве я уже не решил, с кем мне по пути?»

Подошел официант. Сделали заказ.

Катерина потянулась к Осетру и шепнула на ухо:

– Тебя не раздражают эти типы своей мерзкой болтовней?

– Нет, – шепнул Осетр. – Не забывай, что, когда окажемся за кордоном, это будет часть нашей работы.

– Да, верно. – Катерина на секунду поморщилась.

Как будто ей не очень нравилось, что ее работа будет связана в том числе и с подслушиванием...

А Осетр в очередной раз порадовался, что она ничего не знает о подлинной сути происходящего, что для нее Остро-

мир Криворучко – только будущий резидент российской разведки в Великом Мерканском Ордене, и ей даже в голову не может прийти, что временно она замужем за будущим российским императором.

И это прекрасно, что она ничего не знает! Лучше спать будет! Хотя, если пронюхают о заговоре, головы ей все равно не сносить! Чего не знаешь, того и не выдашь, сколько бы тебя ни мучили! Вот и замучают! Впрочем, надо полагать, ее тоже закодировали, как няню Аню и Деда.

От этой мысли он едва не подпрыгнул.

Погоди-ка, гвардеец, ржавый болт тебе в котловину! А что мешает нам проверить ее прямо сейчас?

Болтуны за соседним столиком больше не обращали на него внимания. Официант пока к столу не торопился.

Так что время на инициализацию имеется...

«Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики», – мысленно сказал он самому себе, прикрывая глаза.

И произошло то, что должно было произойти.

Катерину заменила теперь знакомая туманно-серая фигура. Как тогда – на Дивноморье, на месте няни Ани. Разница была в одном – никакой угольно-черной полосы в туманной голове не наблюдалось.

Он оставил ее в покое.

Никакого блока нет. Ну и слава богу!

В том смысле «слава богу», что удалось определить отсут-

ствие блока.

Он бы не удивился, если бы вообще ничего не получилось. Все-таки после Деда он никого больше не сканировал. Мог и разучиться. Хотя, как говорится, мастерство не пропьешь...

– Ты что? – тихо спросила Катерина, снова наклонившись к мужу.

Осетр открыл глаза и непонимающе посмотрел на нее.

– Тебя так сильно заинтересовал их разговор? – Она скосила глаза в сторону обитателей соседнего стола.

– Тренируюсь, – соврал Осетр. – Как говорится, тяжело в учении, легко в приключении!

И вдруг понял, что ничего он не соврал. И в самом деле тренировался. А уж в чем – кому какая разница?!

Катерина понимающе усмехнулась:

– Давай хоть на время обеда забудем о работе?

– А давай! В конце концов, надо же когда-то отдыхать!

Тем более если ты находишься в увольнении.

– Я вот о чем подумала... Ты ведь «росомаха»!

– С чего ты взяла? – удивился Осетр.

– У меня родной дядя был «росомахой». И я заметила...

Ты даже движешься так же, как он. Боюсь, за кордоном это может стать проблемой, если на тебе остановится внимательный глаз.

– Всегда так двигаюсь?

Она задумалась:

– Да нет, не всегда! Только когда ты со мной и тебя больше

никто не видит.

– Ну в таком случае и проблемы нет. Кроме тебя, никто и не увидит. К тому же я – вовсе не «росомаха». А вот учил меня на охранника именно «росомаха»... Ты сказала – был?

– Что? – не поняла Катерина.

– Ты сказала: «Дядя был росомаха». Был?

Она помрачнела:

– Да, был. Три года назад погиб, когда пираты напали на Кострому. Это периферийная планета недалеко от границы с Фрагербритским Союзом.

Судя по всему, она рассказывала ему вовсе не легенду, и это немедленно следовало прекратить.

Но зачем? В конце концов, доверие – один из краеугольных камней, на которых держатся совместная работа и совместная жизнь.

– Пираты совсем обнаглели! – сказал он, но раскрывать ей свои счета к пиратам не стал.

Доверие доверием, однако для него слишком велика цена ошибки в человеке, если он, Осетр, такую ошибку совершит.

– У тебя тоже кто-то погиб из-за них?

– Нет. Я ведь и в самом деле сирота. Мои родители погибли не из-за пиратов, а по собственной глупости.

– Как это?

– Да вот так. Не хочу об этом говорить.

– Ну как хочешь... – Она на мгновение поджала губы.

Все-таки женщины слишком эмоциональны для такой ра-

боты. Но семейную пару резидент разведки может создать только с женщиной.

– Да, в общем-то ничего особенного. Папаша купил машину по дешевке. Когда перегонял домой, у машины вышел из строя гравитатор. Мгновенная потеря мощности и падение с высоты восемьсот метров... А матушка вместе с ним летела.

– Ясно, – сказала Катерина. – Прости, пожалуйста! Подошел официант, принес на подносе заказанные блюда. Соседи продолжали звенеть стаканами и знакомить друг друга со своим отношением к российским властям.

А супруги Криворучко взялись за обед.

Глава четырнадцатая

Как ни удивительно, в «Трех ступеньках» не оказалось терминала Глобального Имперского Информатория.

Видать, заведение было еще то! Хотя по вкусоности блюд не скажешь – и уха, и биточки оказались что надо!

Расплатились (хорошо, хоть сканер для кредиток у официанта нашелся!), вышли на улицу, отыскивали ближайший терминал ГИИ.

Соответствующая триконка висела над универсальным центром услуг.

Осетр вызвал свою сетевую агентессу. Вернее, своего сетевого агента.

Зачем расстраивать супругу?

Через мгновение видеоформа с изображением Петра Первого возникла над терминалом.

– Слушаю вас, Остромир!

– Привет, Ваше величество! Мне нужен список новых фильмов, которые идут в ближайших к этому месту залах.

– Секунду, Остромир!

Видеоформа расплылась и превратилась в видеопласт, на котором возникли разноцветные строчки.

Осетр повел взглядом сверху вниз.

Так-с, и чем же нас балуют господа фильмоделы? «Как выйти замуж и остаться незамужней»... Это что-нибудь экс-

трафеминистическое... «Матрешка-неваляшка»... Это может быть про что угодно – от мелодрамы про няню в детском саду до трагикомедии про бандитскую шалаву... «Транссистемник в туманности M51»... Мура, до такой туманности транссистемники еще не скоро доберутся, им в центр Галактики-то не проникнуть... «Типа крутые мибовцы»... Ну это про питомцев графа Василия Илларионовича Толстого, любят фильмачи имперскую безопасность, там сюжеты гранитные, а медали за них на фестивалях дают золотые. И премии – за героизацию службы на благо государственной безопасности... «Третий галактический рукав»... Очередные звездные войны, наверное, наши героические парни против каких-нибудь слизняков-пауков...

Он пробежался по списку снова, но глаз так ни на чем и не остановился.

– Ну что, посмотрим рекламу?

– А давай не станем, – предложила Катерина. – А давай просто бросим на пальцах. Три раза. Посмотрим сумму. Пусть жребий решит – повезет не повезет!

– А давай!

Бросили. У нее – два пальца, у него – три.

Бросили еще раз. Шесть.

Ну и в третий. Девять. В сумме двадцать.

– Ну и что у нас там под номером двадцать? – Осетр снова обратился к видеопласту. – Поздравляю тебя, душа моя! Значит, смотрим «Третий галактический рукав». Про слиз-

няков!

– Почему про слизняков?

– А сам не знаю. Мне так кажется.

Глянули на адрес зала, сориентировались по плану города.

Ага, идти пешком от центра услуг не более двадцати минут, а начало фильма только через три четверти часа. Можно и не торопиться особенно. Прогуляться, изобразить отдыхающих...

– Пройдемся пешком? – спросила Катерина. – Не хочу в водородник, хочу ногами!

Осетр тут же подыграл:

– Не вижу, почему бы благородному главе семейства не пройтись по городу пешком да с супругой под ручку!

Катерина громко, в голос расхохоталась.

Так что на нее оглянулись.

Но у Осетра не возникло ни малейшего желания сделать ей замечание.

Глава пятнадцатая

Удивительно, однако «Третий галактический рукав» оказался вовсе не про слизняков.

Воевали между собой на космических просторах люди. С одной стороны росичи, с другой – веруканцы, в которых разве что слепой и глухой не распознал бы граждан Великого Мерканского Ордена.

Ну и подумаешь, что не сайентологами называются! Да такой религии – проверуканизма – и не существует на свете. Шито белыми нитками. Наверняка антимерканская идеологическая агитка.

Однако фильм оказался вовсе не агиткой.

Герои были живые и страдающие, не какие-нибудь картонные поделки. Режиссера и сценариста серьезно заботило будущее родной державы. Этой своей озабоченностью они заражали и зрителей.

Через пятнадцать минут вокруг супругов Криворучко перестали хрустеть воздушной кукурузой, громко хихикать и безудержно целоваться.

Осетр смотрел на мучения героев и удивлялся мыслям, которые у него рождались. Ему опять пришло в голову, что навести порядок в стране – это только начало дела. Потом потребуются навести порядок в Галактике, потому что пока люди разделены, с ними могут справиться любые слизня-

ки-пауки.

Тут даже особого умения воевать от них не потребуется – стравливай людей друг с другом, они сами друг дружку переколотят. А потом садись на них верхом и катайся сколько влезет.

Это были странные, как будто не ему принадлежащие мысли, но они рождались именно в его мозгу, и не было в душе ничего, что бы могло сказать: «Ты не способен так думать! Это не твое!»

Что значит – не способен? Что значит – не его? Да находясь на Крестах... да что там на Крестах? Когда он махал японскими мечами в гладиаторской схватке на Дивноморье... Тогда он и вправду не способен был так думать!

Но с тех пор прошла целая эпоха. Он узнал, кто он такой на самом деле. Он узнал в последние месяцы многое из того, что не знал простой «росомаха», но знал любой отпрыск императорского рода. И все было не случайно. Он не случайно обрел на Крестах свои новые способности. И не случайно ему снились сны про оранжевую песчаную планету с багровым небом. Сны, слишком похожие на вещие, чтобы быть просто снами, не несущими никакой иной нагрузки. Нет, это провидение выбрало его для какой-то неведомой цели. Пока неведомой, но рано или поздно ему должно будет стать ясно, что это за цель.

Между тем сюжет фильма развивался.

Разобщенные поначалу росичи потихоньку собирались и

консолидировали свои силы. Вскоре стало ясно, что объединить разные группы и разные кланы может только главный герой «Рукава», средоточие тайных и явных надежд самых различных людей и группировок.

И тут героям фильма пришлось окунуться в гражданскую войну. Кровь и насилие, насилие и кровь...

У Осетра даже мурашки по спине пробежали.

Но вовсе не от вида крови.

Последняя гражданская война в истории его страны при-
шлась на начало далекого двадцатого века, еще до выхода
человечества в Космос.

Гражданская война всегда чрезвычайно трагична, ибо представляет собой вовсе не такое благородное дело как защита от внешнего врага, честная, священная и справедливая. В гражданской войне врагами становятся знакомые, друзья и родственники. Сын берется за оружие против отца, а брат – против брата...

Так неужели он, Осетр, станет человеком, развязавшим подобную войну?

Он вспомнил вещий сон и понял: да, станет!

Для того чтобы неведомые твари не превратили людей в пищу или в рабов, человечество должно перестать грызться друг с другом и превратиться в единое целое. А для этого надо создать галактическую империю. И если для создания галактической империи потребуется начать гражданскую войну, он ее начнет. Ибо бывает так, что ради тысяч надо по-

жертвовать десятками. Таков долг полководца, это не вина его, а беда.

И он Осетр на эту беду пойдет!

Это будет его крест. И чем он, Осетр, хуже тех, кто уже не однажды жертвовал сотней, чтобы спасти тысячи?

Окончание фильма в его памяти совершенно не отпечата-
лось.

Он выходил из зала под руку с Катериной, и мысли его теперь находились далеко от только что просмотренной истории. Он размышлял о цепочке нынешних событий.

Вроде бы все было случайно.

Случайно супруги Криворучко были отправлены в увольнение именно сегодня. Случайно решили пойти на фильм. Совершенно случайно попали именно на «Третий галактический рукав».

Но фильм стал для Осетра еще одним напоминанием о том, что судьба выбрала его для некоей гигантской задачи. И сегодня эта задача стала для него намного понятнее, чем вчера.

Как говорят «росомахи», он просек орбиту.

А значит, все было не случайно.

Глава шестнадцатая

На следующий день после увольнения Осетр почувствовал, что ему все-все-все осточертело. Особенно невыносимой стала учеба. Он попросту изнемогал от надоевшего занятия.

В голову лезли разные глупости.

В романах у одного из старинных писателей герои учились совсем иным способом. Без проблем подстыковывались прямо к компьютеру и поглощали знания, как губка поглощает воду. Для этого у них имелись над ушами специальные гнезда. Типа энергетических штекеров, только попроще.

Фамилия автора Осетру запомнилась по одной причине – сочинитель был тезкой последнего русского императора на Старой Земле. Хотя тогда говорили – российского императора.

В любом случае такое имя не забудешь.

Да, подобный метод учебы упростил бы очень многое. Жаль только, что в реальности человеческие мозги подключить к машинным попросту невозможно. Оказывается, человеческие мозги – не просто электрические импульсы, бегущие по цепочкам нейронов, как представлялось когда-то инженерам. Там все намного сложнее. И даже мозгогруз и грёзогенераторы не подключаются к человеческому мозгу напрямую. Так что выдумка фантастов оказалась просто вы-

думкой, и любому ученику приходится изрядно напрягаться, чтобы усвоить требуемые знания.

Иногда, правда, у Осетра возникало сомнение: а в самом ли деле ему потребуются получаемые знания?

Но поразмыслив, он понимал: и «Начала мировой политики», и «История императорского рода», и «Психология общения с подчиненными» претенденту на трон просто необходимы.

К тому же нельзя забывать и о профессиональных навыках. Пусть и не специальный комплекс «росомахи», но тренировки по рукопашному бою проводились практически ежедневно. Разведчик тоже должен владеть своим телом.

И потому свободного времени у Остромира Криворучко попросту не имелось.

И потому, посетовав немного на загруженность, он справился с собой и снова с головой ушел в учебу.

Опять полетели дни и недели, заполненные трудом.

Глава семнадцатая

На нынешний день было запланировано уже шестое увольнение.

Предыдущие мало чем отличались от первого. Кафе и фильмы. Правда, такого, как «Третий галактический рукав», больше не попало. Мелодрамки, комедийки... Ни уму, ни сердцу!

Сегодня Катерина предложила сменить программу и погулять по Центральному парку. Ибо фильмы, даже непропагандистские, ей надоели до чертиков. А для пообедать – кафе встречаются и в парках.

Она была права.

Хотя вроде бы женщине не должны надоедать мелодрамы, даже если она и на военной службе. Но вот надоели!

Как и в предыдущие увольнения, школьный глайдер доставил супругов Криворучко к вокзалу. На другой стороне привокзальной площади находилась станция городского мопедельса.

Говорят, на Старой Земле в крупных городах городские железные дороги прятали под землю. Но когда появились сверхпрочные материалы, оказалось, что дешевле поднимать их над землей. Как всегда, экономика все и решила. А уж инженеры постарались, чтобы эти ажурные конструкции были красивыми и украшали собой городской пейзаж.

Супруги Криворучко прошли сквозь силовой турникет на станцию, дождались поезда, сели в вагон и через две минуты оказались на высоте птичьего полета.

Вагон был полупустым, подозрительных личностей не наблюдалось. Да и «росомашье» чувство тревоги помалкивало.

Город с высоты птичьего полета был не просто красив, а чертовски очарователен. Тянущиеся к небу здания – будто невиданные деревья, жаждущие солнечного света; изящные колонны монорельсовой дороги, связанные между собой ниточкой полотна; несущиеся по ним поезда, похожие на стрелы без оперения...

– Как красиво! – зачарованно прошептала Катерина.

Осетр только головой кивнул, сглатывая комок в горле.

Нет, господа мои... Существа, способные создать такую красоту, не заслуживают гибели. Они должны жить вечно – пусть не индивидуально, так хотя бы сообществом. Как бы ни были они мерзки в отношениях друг с другом, красота, которую они способны породить своими руками, прощает им мерзости. И он, Осетр, жизнь свою положит на то, чтобы защитить их от приближающейся неведомой опасности. Впрочем, нет, в прямом смысле жизнь свою класть не придется, – он уверен в этом. А вот все годы, отпущенные ему Создателем, он потратит на выполнение сей грандиозной задачи. Это и будет означать – жизнь положить...

– Как красиво! – повторила Катерина. – Ты знаешь, милый?... Я вдруг подумала... Наша работа, направленная на

сохранение этой красоты, – не худшая работа на свете, правда? Ведь в конечном итоге мы не просто шпионы и соглядатаи, в конечном итоге мы – защитники и охранители всего этого!

Голос ее то и дело замирал – то ли от восторга тем, что она сейчас видела, то ли от гордости за себя и свое дело.

– Ты права, – сказал Осетр тоже шепотом. – Пусть мы и не создаем все это, но без нас оно тоже долго не просуществует.

«И плевать мне, что это звучит пафосно, – подумал он. – Пафос далеко не всегда ложь и далеко не всегда смешон. То есть он смешон, когда ложь. А когда правда, пафос – просто часть нашей жизни и наших ощущений. В конце концов, моя страна заслужила немного пафоса!»

Город быстро проносился внизу, не прошло и десяти минут, как они оказались на его другом конце, на станции «Центральный парк». Вышли из вагона, протопали через силовой турникет и углубились в мешанину тенистых аллей.

Деревья давно уже успели одеться в листву, и со всех сторон супругов Криворучко окружала зелень.

Зеленка, как ее называли в школе «росомах»...

– Тут можно спрятаться так, что никакая полиция не найдет, – сказала Катерина. – Разве что со спутника, если браслет в режиме автоответчика работает. Или сканерами, если генетический код зафиксирован.

Похоже, она тоже думала о работе.

Парк очень напоминал лес. Правда, был он достаточно

ухаженым – мусора не наблюдалось, и зарослей тоже. Наверное, подлесок периодически прореживался.

Следующие три часа они ходили среди зеленки, изредка встречая таких же гуляющих. Разглядывали многочисленные памятники неким местным деятелям, покатались на лодке по протокам текущей через парк речки Бибирёвки. Где-то среди аллей наткнулись на открытое кафе, попили чаю с лимоном и чебуреками.

Лимон здесь имел такой же вкус, как и на Новом Петербурге.

А Осетр отчего-то вспомнил храповку.

Потом пересекли открытое пространство, радуясь, что не надо торчать на этой сумасшедшей жаре, и снова углубились в зеленку.

А потом вокруг вдруг потемнело. Будто началось неспрогнозированное солнечное затмение...

– Что это, Миркин? – удивилась Катерина.

– Не знаю, – отозвался Осетр.

И вдруг понял, потому что в душе проснулось «росомашье» чувство тревоги.

– Кокон Фогеля! Катя! Быстро ложись! – И сам бросился на землю.

Через мгновение Катерина лежала рядом.

– Отползаем под елку! – скомандовал шепотом Осетр. – Она в пяти шагах правее и сзади. Быстрее, быстрее!

Кокон Фогеля был блокиратором. Силовые линии на-

крывали некое пространство защитным колпаком, заставляя световые волны огибать колпак и продолжать свой бег от противоположной стороны колпака. В результате все, заключенное в кокон, становилось невидимым для стороннего наблюдателя. Разумеется, внимательный человек сразу обнаружил бы, что поблизости пропала часть парка с парочкой прогуливающихся, но вряд ли бы он сообразил, что происходит. А нападающим много времени и не требуется. Именно нападающим, потому что в данном случае кокон Фогеля мог быть применен только для нападения. Для защиты его применяют те, кого кокон прячет от вражеских глаз. Устройство подобного принципа использовала мама, чтобы спрятать Осетра, когда пираты напали на Медвежий Брод и убили Воимира Приданникова.

Да и чувство тревоги промолчало бы, не будь это нападение...

К счастью, не весь свет огибал кокон, часть его проникала внутрь, и потому вокруг не было кромешной темноты и вполне можно было обнаружить нападающих.

Катерина оказалась в сложной ситуации достаточно шустрой девицей. Не прошло и пяти секунд, а супруги Криворучко уже лежали под раскидистой еловой лапой. Конечно, от стационарного сканера, устанавливаемого на глайдере, еловая лапа не спрячет, но кокон делает стационарный сканер слепым. В коконе нападающим способен помочь только ручной сканер, которым может быть вооружен кто-то из них, но

простенький ручной сканер как раз черта с два отличит дерево от человека. И то и то – биологический объект.

Так что, спрятавшись, мы еще посмотрим – кто кого!

– Лежим, – прошептал Осетр. – Что бы ни случилось, ты отсюда носа не высовывай!..

– Поняла.

Затихарились.

Некоторое время вокруг стояла жуткая тишина, не прерываемая даже шелестом листьев – ветер тоже остался снаружи кокона.

Потом послышались приглушенные голоса:

– Наверное, спрятались... Будь осторожен. Он ведь «ро-сомаха», по слухам.

– Ничего, мы с тобой тоже не пальцем деланные! Справимся! Это не схватка один на один. Справимся, будь уверен!

Слева послышались осторожные шаги. Из-за соседней разлапистой елки появились двое типов, одетых в камуфляжные куртки и штаны, широкоплечих и высоких. Тем не менее движения их были очень осторожными – видно, побаивались парни того, кого наметили в жертву.

Пора было приступить к активному контакту.

Напряглись мышцы ног и рук. А далее работала уже моторная память.

Резкий прыжок, тело, будто разжимающаяся пружина, «клюющая змея», указательный палец в точку Танатоса, и

ближайший противник обезврежен.

Второго Осетр решил не убивать. Просто обездвижил, используя «смычок Орфея».

Надо допросить мерзавца.

С какой это вдруг стати на будущих разведчиков, которых должны отправить в Великий Мерканский Орден, нападают люди, в совершенстве владеющие русским? Ни малейшего акцента в говоре этих типов не звучало...

Осетр помог Катерине выбраться из-под елки, потом пошарил в карманах у мертвого. Серый шарик фогель-генератора нашелся в левом.

Отлично! После допроса ведь надо будет выбраться из кокона. Иначе так тут и сгниешь, никто снаружи кокон не откроет. А если и откроют, то это будут отнюдь не друзья... То есть друзья, разумеется, но только вот этим двум типам друзья, а от таких добра, известное дело, не дождешься!..

А вот документов в карманах нападавшего не обнаружилось.

Впрочем, Осетр удивился бы, кабы они обнаружились. Это был бы вопиющий непрофессионализм!

Он положил шарик в карман собственных брюк и вернулся к остающемуся в живых противнику.

Легкий тычок в нервный узел, и нападавший (ха, теперь уже не нападавший!) пришел в себя, шевельнул правой рукой, замотал головой.

Осетр схватил его за воротник, подтащил к молодой липе

и прислонил спиной к тонкому стволу.

Тип хрюкнул, поднял глаза, взгляд его медленно сфокусировался на Осетре.

Тот наклонился и сказал:

– Сейчас ты ответишь на мои вопросы. Иначе я сломаю тебе по очереди сначала пальцы на левой руке, потом на правой. Окажется мало, сломаю левую ногу, потом правую. А потом посмотрим, что еще можно будет сломать. Или оторвать... Это, надеюсь, понятно?

Тип с трудом кивнул.

– Кто ты такой и кем сюда послан?

Тип смотрел на него, будто не понимая.

Осетр повторил вопрос громче.

Тип открыл рот. И вдруг сдавленно захрипел. Глаза его начали закатываться.

Вот дьявол!.. Да он же закодирован!.. Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики...

Тип сделался прозрачным, как стекло. А потом прозрачность стремительно принялась наполняться туманом, и тут же туман на месте головы пересекла знакомая черная полоска.

Все верно – господа, приславшие этого парня сюда, позаботились, чтобы он не выдал их имен.

Тут же к черной полоске протянулась туманная рука.

Осетр был быстр и уверен в своих силах.

Сейчас туманная рука схватит полоску, сплющит, сдавит,

превратит в черного жука, и придется жуку посидеть некоторое время в туманном кулаке. И тогда этот нехороший дяденька нам все расскажет.

Однако туманная рука пролетела мимо черной полосы – как реальная рука проскакивает мимо солнечного луча.

Нападавший опять захрипел и обмяк.

Осетр сделал новое движение туманной рукой. И снова промахнулся. Он хватал полосу раз за разом, пока она полностью не залила голову закодированного. И только тогда смирился с поражением.

Почему-то черный жук не вытанцовывался...

– Остромир, ты что делаешь? – раздался у него над головой девичий голос. – Принимаешься к нему?

Осетр открыл глаза и поднял голову.

Катерина удивленно смотрела на мужа.

Он наскоро ощупал карманы умершего – документов не нашлось и у этого типа.

Никаких зацепок!..

Осетр выпрямился и полез в карман собственной куртки, за фогель-генератором:

– Пора уносить ноги, Катя!

Он сдвинул одно полушарие генератора относительно другого, и вокруг посветлело.

Глава восемнадцатая

Через несколько минут супруги Криворучко уже сидели в вагоне монорельса и направлялись в сторону вокзала.

– Надо, наверное, доложить начальству, – сказала Катерина, покусывая нижнюю губу.

Она нервничала.

Еще бы не нервничать, если на твоих глазах безо всякого оружия, в мгновение ока, уложили двух достаточно крепких мужчин...

Она коротко взглянула на своего супруга, во взгляде ее определенно пряталось немалое уважение.

– Доложим, – коротко сказал Осетр.

Его волновал вовсе не доклад начальству. Его волновало то, что он не смог дать этому типу отсрочку от смерти. Как отсрочивал на Дивноморье гладиатора Небежинского и толстушку няню Аню...

За прошедшее с тех дней время он уверовал, что если не всесилен, то определенно обладает некоторыми возможностями, которые превосходят возможности обычного человека. То есть он и до Крестов был покруче обычного человека – как всякий «росомаха», – но после храппового леса он стал обладать способностями, которые превосходят способности «росомахи».

– Ты все-таки явно имеешь какое-то отношение к «росо-

махам».

– В реальности имею, – сказал Осетр. – По легенде нет. А что ему оставалось делать?

После случившегося тупо отрицать Катеринино предположение было бы глупо. Она бы просто перестала доверять ему.

Конечно, разведчик не должен пытаться выведать у напарника секретные коды, это дорога к провалу – либо потому что тебя заподозрят в предательстве, либо в глупости. И тоже перестанут доверять.

Но тут несколько иной случай.

Все-таки разведчик должен хоть отдаленно представлять себе возможности своего напарника, чтобы знать, чего можно ожидать от того в сложной ситуации, на что можно надеяться и к чему готовиться...

Катерина, наверное, почувствовала, что не стоит углубляться в начатую тему. В конце концов, она была не выпускница Императорского балетного училища имени Вагановой, она явно закончила учебное заведение несколько иного направления.

– За нами по дороге к станции не следили?

– Нет, – коротко сказал Осетр.

Никто за ними не следил – ни тогда, когда они уносили ноги из парка, ни позже, когда проходили через турникет, ни когда садились в вагон.

Иначе бы чувство тревоги не молчало.

Теперь, правда, Осетр начал сомневаться и в этой своей возможности.

Кто знает, может «росомашье» чутье сохраняется только в том случае, когда «росомаха» живет среди своих, таких же, как он. Впрочем, нет! «Росомахи» готовятся жить не только среди таких же, как они. «Росомахи» зачастую живут среди самых заклятых врагов! И умудряются не терять полученные в школе способности! Так что тут все в порядке, хвоста за ними нет. Но как только до неведомых врагов дойдет весть о гибели посланных агентов, кто-то где-то нажмет тревожную кнопку, и на супругов Криворучко спустят свору неведомых псов с ядовитыми зубами.

Полагаешь, псов с ядовитыми зубами в жизни не бывает, это не гадюки? Ничего, для тебя, ублюдоков, найдутся! В детстве ты ноги от нас унес, теперь не удастся, отольются тебе все наши слезки!

Душу Осетра тронул легкий страх, но это не было «росомашье» чутье. Просто он вдруг в очередной раз осознал, против какой махины решил идти.

Как бы хребет не переломить...

– Нас возьмут под защиту, – сказала Катерина.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Конечно, – коротко согласился Осетр.

Разумеется, их возьмут под защиту. Потому что слишком многое поставлено на карту. Потому что Остромир Криворучко – настолько важный для Империи человек, что за его

жизнь, не моргнув, отдадут свои жизни многие сотни других людей. Иначе просто быть не может! Найдутся, правда, многие сотни людей, который не моргнув отдадут свои жизни для того, чтобы убить его, но тут уж на войне как на войне!

Иного не дано. Иного и не может быть! Так происходило во все века. Если твой отец – царственная особа, либо ты живешь во дворце, либо доживаешь в темнице. Если ты живешь во дворце, это еще не значит, что ты в полной безопасности, ибо никто не застрахован от ночного визита заговорщиков, и накинута тебе шарфик на шею, и через несколько минут останется от тебя остывающий труп. И наоборот, если ты доживаешь в темнице, это еще не значит, что тебе ничего не светит, кроме тюремной пищи, ибо никто не застрахован от ночного визита заговорщиков, и тебя потащат короноваться. Но и тут никто тебе не сможет гарантировать, что через месяц-другой от тебя тоже не останется остывающий труп. Это называется «борьба за власть». И не важно, ради чего ты за нее борешься – ради своей Отчизны, ради ее благоденствия или ради собственного благополучия, ради возможности крепко пить, вкусно есть и с удовольствием портить чужих женщин...

– Разве нас сейчас будет ждать глайдер? – спросила Катерина. – Мы же должны были вернуться из увольнения много позже.

– Будет, – коротко сказал Осетр.

Он вытащил из кармана полученный перед вылетом из

школы браслет и набрал на сенсор-клаве определенную комбинацию цифр.

Нет, что ни говори, а все-таки полковник Засекин-Сонцев не зря свой хлеб кушает. Все у него запланировано, все у него предусмотрено. Начальник секретной службы «росомах» – не хрен собачий! Наверняка на одной ноге с Василием Илларионовичем Толстым, министром имперской безопасности. Такие люди живут заботами Отчизны, ради ее благоденствия, а не ради собственного благополучия. И хвала судьбе, что даже при этой гниде Владиславе Втором находятся на государственной службе не только лизоблюды и казнокрады, а и настоящие патриоты своей страны.

Браслет передал на висящий на стационарной орбите спутник серию импульсов, и кто-то где-то нажал тревожную кнопку, но это был другой кто-то и в другом где-то, и кнопка была другой, и на супругов Криворучко спустили вовсе не свору неведомых псов с ядовитыми зубами.

Когда они вышли со станции на привокзальную площадь, их уже ждал глайдер. Обыкновенная машина, безо всяких опознавательных знаков, на ней не было написано «Охранять и защищать», как пишут на глайдерах и водородниках мерканской полиции, но ее послали люди, чьей заботой было охранять и защищать Остромира Криворучко, сироту с Новокиева, кандидата в резиденты за кордоном. А кто был защищаемый на самом деле, им и знать было ни к чему!

Из глайдера выбрался мужчина лет двадцати пяти, в штат-

ском, но с явной военной выправкой, подошел к Осетру, кивнул и назвал пароль. Спокойно-сосредоточенно выслушал отзыв и сказал:

– Я – эвакуатор. Прошу в машину. Я отвезу вас сейчас на конспиративную квартиру. Подождете там, пока мы не сможем организовать вашу эвакуацию.

Осетр не стал спрашивать его, кто напал на супругов Криворучко в Центральном парке.

Бессмысленно! Этот дядька, скорее всего, даже не знал, что где-то кто-то на кого-то напал, он просто выполнял свою задачу, и вполне возможно, что тоже был закодирован. Можно сейчас дать самому себе приказ фразой про Магеллановы Облака и обнаружить в туманной голове дядьки черную полосу.

Но Осетр не стал этого делать. Он просто не хотел снова обнаружить неподвластность черноты.

Он просто не хотел еще раз убедиться в собственной ущербности.

Похоже, кодировщик, работавший на противника, был ему не по зубам.

Глава девятнадцатая

Конспиративная квартира оказалась затрапезной комнатенкой в гостинице, запрятавшейся среди таких же обшарпанных домов в трущобном районе на окраине Новобибирева.

В общем-то, правильно организованное место – в подобных районах шатается столько разного сброда, что еще парочка подозрительных личностей запросто спрячется от постороннего глаза.

Как крысы на помойке – все с одинаковыми хвостами и все на одно лицо... то есть морду.

С другой стороны, если власти начинают облаву, она проводится в первую очередь именно в таких районах...

Но с какой бы стати властям устраивать сейчас облаву в столице? Военного положения в государстве нет, террористы не зверствуют, недовольные не устраивают бесконечных маршей протеста. Все развивается тихо-мирно. Как говорится, идет бой бульдогов под ковром...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.